№ 49 (245) Пятый год издания. Цена в Москве, провинц. и на ст. ж. д. 10 коп.

ОГОНЕК

В ячейку В.К.П. завода Трансмиссии от Крановщика литейного цеха Абрамова Н.В. Заявление. Прошу принять меня в ряды

По СССР за двадцать три дня подано 55.481 заявление от рабочих, вступающих в ВКП(б).

См. в номере очерк Ник. Погодина.

Фот. С. Фридлянда.

24 книги Библиотеки Исторических Романов книги 24

ЛУЧШИХ РУССКИХ и ИНОСТРАННЫХ АВТОРОВ ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ

55 БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ!

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

30 дней

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ежемесячник

(4-й год издания)

ЕДИНСТВЕННЫЙ в СССР издающийся по типу лучших западно-европейских журналов

55 БЕСПЛАТНЫХ ПРИЛОЖЕНИЙ!

В 1928 году подписчики получают:

По 1-му абонементу (за 8 р. в год)

12 книг журнала **„30 Дней“** — до 2500 стоб. уборист. текста, 1000 рисунков и фотографий.

12 номеров журнала **„Музыка для всех“** — под общей редакцией Народного Артиста Республики проф. **М. М. Ипполитова-Иванова**, содержащих музыкальн. пьесы (роять, скрипка, пение) фотопортреты музыкантов, композиторов, а также **уроки для начинающих музыкантов.**

12 Многокрасочных картин (репродукций) русской живописи (форм. 27×38 см.) под общей редакцией проф. **Игоря Грабаря.**

4 номера журнала **„Четыре сезона“** (Моды, хозяйство, советы, переписка и пр.)

1 Книга—известный роман **А. Фаддеева — „Разгром“** (около 300 стр.) для годовых подписчиков.

1 Том новых юмористических рассказов **Мих. Зощенко** (около 250 стр.) для годовых и полугодовых подписчиков.

Условия подписки:

12 м.	6 м.	3 м.	1 м.
8 руб.	4 р. 25 к.	2 р. 25 к.	75 к.

Допускается рассрочка: при подписке 3 р., к 1-му апр. 3 р. и к 1-му августа 2 руб.

По 2-му абонементу (за 12 р. 50 к. в год)

Кроме всего перечисленного в 1-м абонементе еще

24 книги **Библиотеки Исторических Романов**

1. Г. Зберо.—„Уарда“. 2. Джованиоли. — „Спартак“. 3. Флобер. — „Саламбо“. 4. Марк Твен.—„Янки при дворе короля Артура“. 5 Костомаров — „Кудеяр“. 6. Р. Хаггард.—„Дочь Монцетумы“. 7. Шишкевич —„Иван Болотников“ 8. П. Меримэ.—„Варфоломеевская ночь“. 9 Вальтер Скотт.—„Роб-Рой“. 10. Ч. Диккенс.—„Барнеби-Редж“. 11. В. Гюго.—„Человек, который смеется“. 12. Лажечников.—„Ледяной дом“. 13—14. А. Дюма.—„Три мушкетера“ (2 вып.). 15. В. Гюго. — „93-й год“. 16. А. Франс. — „Боги жаждут“. 3. Золя. — „Штурм мельницы“ 17. Ч. Диккенс. „История двух городов“. 18. Э. Золя —„Разгром“. 19. Шпильгаген.—„Один в поле не воин“. 20. Юдифь Готье.—„Завоевание рая“. 21. Юдифь Готье.—„Сестра солнца“. 22. Мультатули.—„Макс Хавеллар“. 23. Тетмайер. — „Горные орлы“. 24. Вазов.—„Под игом“.

Условия подписки:

За год . . . . . 12 р. 50 к. | На 1 месяц . . . 1 р. 25 к.

Рассрочка допускается — при подписке 4 р., к 15 марта — 3 р. 50 к., к 15 июня — 3 р. и 15 сентября — 2 руб.

Выславшие ПОЛНОСТЬЮ годовую подписную плату (8 р. за I абонемент или 12 р. 50 к. за II абонемент) НЕПОСРЕДСТВЕННО в адрес Издательства НЕ ПОЗДНЕЕ 20-го ДЕКАБРЯ, получат с № 1 „30 дней“ ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ бесплатную премию—большой роман Ст. Жеромского—„ПРЕДВЕСЕНЕЕ“ (свыше 300 стр.). стоим. в отд. прод.—1 р.

Подписку направлять (почтовым переводом): МОСКВА центр, Псковский пер. 7, Акц. Изд. О-во „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

открытия—путешествия:

1. **Сквозь блокаду**, ц. 90 к. „Ни один фантастич. роман не захватывает читат. с такой силой, как эта книга“ (Журн. „Ленинград“).
2. **Пират королевы Елизаветы.** (Приключ. капитана Дрэка), ц. 70 к.
3. **Крестом и мечом.** (Приключ. Ричарда Львиное сердце), ц. 1 р.
4. **2 года в плену.** (Приключ. капит. Головнина), ц. 80 к. „Книга читается с таким же увлечен., как самые занимат. сказки“.
5. **В страну туркмен и узбеков.** (Завоевание Хивы), ц. 90 к. „Необыкновен. приключ. современ. декабристов Муравьева-Туркестанск.“.
6. **Зов моря.** (Пиратство на шхуне), ц. 1 р. 70 к.
7. **В гостях у богдыхана.** (Необыкновен. приключ. первых русских послов в Китае), ц. 1 р. 60 к.
8. **Золото и смерть.** (Записки Берналя Диаза), ц. 1 р. 20 к. „Книга читается с неослабевающим интересом, как увлекат. роман“.

Выславш. деньги вперед за перес. не платят.

Заказы и деньги направлять:

Ленинград, внутри Гост. двора 123/0

Изд-ву Брокгауз-Ефрон.

ОХОТА

в русской художеств. литературе. Единственный сборник, в котором собраны лучшие произведения русских писателей об охоте. 381 стр. Ц. 2 руб.

С'емка и оправка ПУШНЫХ ШКУРОК руководство с описанием с'емки с разных зверей. С 113 рисунками. **Федосеев**—1 р.

СПУТНИК ТРУДОВОГО ОХОТНИКА. Рахманин и Керцелли. 315 стр. 1 р.

НАБИВКА ЧУЧЕЛ птиц и зверей. Руководство к набивке и собиранию зоологических коллекций. **Залесский.** С 69 рис. 5 табл. 95 к.

ПЕВЧИЕ ПТИЦЫ ловля, содержание в неволе. **Святский.** 247 стр. 33 рис. 1 р.

ОХОТА на лису—75 к. на волков—50 к.

Высылает нал. плат. без задатка

МОСКВА 9, ул. Огарева, 3/0.

Коопер. т-во „СОТРУДНИК ПРОВИНЦИИ“.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ прислав свою карточку **ПОЛУЧИТЬ** художествен. увеличен. **ПОРТРЕТ** в паспарту 18 × 24—5 рублей, 24×30—7 руб., 30×40—10 руб., 40×50—12 руб., 50×60—20 руб. Ровно через 2 недели по получ. карточки на адрес: МОСКВА, почт. ящ. 503, или ул. Володарского, № 14.

Фотография **Н. ПРАСОЛОВА.**

Заказы высыл. налож. платежом.

НОВАЯ КНИГА!

500 РЕЦЕПТОВ НЕОБХОДИМЫХ КАЖДОЙ ХОЗЯЙКЕ ПРЕДЛАГАЕТ НОВАЯ КНИГА

А. С. СКОРИКОВ

ПЕРЕРАБОТКА МЕДА В ДРУГИЕ ПРОДУКТЫ

Страниц 162. Цена 1 р. 25 к.

СОДЕРЖАНИЕ: Общие правила и наставления

РЕЦЕПТЫ: кушанья, консервы, маринады, печенья, пирожные, торты, конфекты, варенье, напитки медовые, ликеры, вина, квасы, лимонады, уксусы и проч.

Требуйте во всех магазинах Госиздата!

МОСКВА Центр, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“, Ог.

Высыл. книги налож. платежом.

КЛАССИЧЕСКИЙ ТРУД профессора Августа Фореля.

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

Том I и II.

Полный перевод с немецкого яз.

Краткое оглавление:

История зародыша. Гермафродитизм Происхождение живых существ. Беременность. Половое стремление. Сексуальная любовь. Исторические формы половой жизни. Половые болезни. Половые извращения. Половая гигиена. Идеал брака будущего.

Цена за оба тома с перес. 4 р. 50 к.

Адрес; **Москва**, улица Герцена, 22/3.

Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

ОБЩЕСТВЕННОЕ и ДОМАШНЕЕ

ПИТАНИЕ

экономно и сытно организовать учит новая, полная

настольная книга ДЛЯ ХОЗЯЕК.

Книга содержит след. отделы: поварской и домашний (мясной и вегетарианский) стол до 500 блюд, различное тесто, варенья, соленья, маринады, напитки, копченье. Наставления для готовки на примусе.

Цена с пересылкой 2 р. 25 к.

Адрес: **Москва**, улица Герцена, 22/3.

Книжное Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Единственно настоящий ДЕПИЛЯТОРИЙ W. M.—порошок для уничтожения волос, где того требует красота и гигиена тела. Продажа в зеленых коробках. Ц. 1 р. 75 к., 3 р. 50 к. и 6 р. 50 к. Рост волос замедляется. **РОССЕТЕРСКИЙ ВОССТАНОВИТЕЛЬ** поседевших волос, фл. 2 р. 75 к. **КРЕМ ДЛЯ БРИТЬЯ** „ELEM EUXIS“ без воды, без мыла, без кисточки, экономия времени, туба 1 р. 25 к. Высыл. только по получен. 25% стоимости. Продажа в аптеках, магазинах санитарии и гигиены.

ПРЕСТУПНЫЙ МИР МОСКВЫ

С фотографиями и рисунками.

Сборник. Краткое содержание: Грабители и бандиты. Убийцы. Рецидивисты. Воры. Мошенники. Самогонщики. Криминальн. психопаты. „Дети - преступники“. Татуировка в местах заключения. Цена 2 р. 50 коп.

Заказы направл.: Кооперат. издат. „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

МОСКВА 34, ул. Кропоткина 17/1.

При высылке денег или марок вперед пересылка бесплатно.

МАГАЗИН „ПИОНЕР“ МАГАЗИН

Изд. ЦК РЛКСМ „Молодая Гвардия“

Москва, Тверская, 37.

К ЗИМНЕМУ СПОРТ - СЕЗОНУ

В огромном выборе: лыжи, коньки, английский спорт, норвежск. и другие Шерстяной трикотаж высшего качества английской шерсти. Свитеры, шарфы, шлемы, шапки, рейтузы.

Палатки (раб. санит. леон. и пион.).

Полн. катал. выс. за 8-к. марку.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЕК

№ 49 (245). 4 декабря 1927 г.

МОСКОВСКАЯ ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

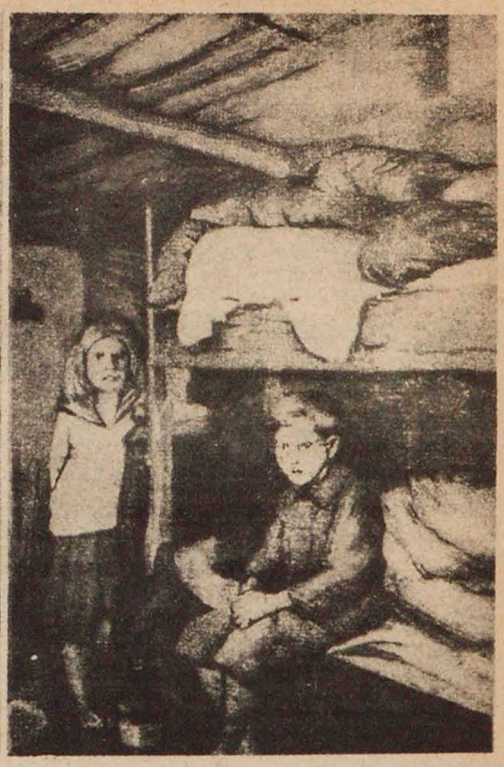
Тт. Бауман и Котов, с делегатами XVI московской партийной конференции; с п р а в а — Н. И. Бухарин на трибуне. В н и з у (слева направо) — выступления тт.: Н. А. Угланова, инструктора женотдела тов. Бурлаковой и Н. К. Крупской. Фот. ВЦИК и Русс-Фото.

Оппозиция направила все свои силы в первую очередь против московской организации, и в результате потерпела полный крах: 98,5 проц. дружно голосовало против нее, одобряя исключение наиболее злостных оппозиционеров из рядов партии. Но партия, как расчетливый хозяин, готова принять обратно тех, кто еще окончательно не погиб для дела пролетариата, кто честно до конца признает свои ошибки и станет дисциплинированным бойцом в ее ряды.

„Вести политику разлада с большинством крестьянства,— говорит И. В. Сталин,—значить открыть гражданскую войну в деревне, затруднить снабжение нашей промышленности крестьянским сырьем, дезорганизовать снабжение рабочего класса сельскохозяйственными продуктами, подорвать самые основы нашей индустрии, сорвать всю нашу строительную работу, сорвать весь наш план индустриализации страны.

„Я далек от того, чтобы обвинять оппозицию в сознательном стремлении ко всем этим несчастиям,—продолжает тов. Сталин.— Но дело тут не в желаниях и стремлениях оппозиции. Дело в тех результатах, которые неизбежно должна повлечь за собой оппозиционная политика разлада со средним крестьянством. С оппозицией тут происходит то же самое, что произошло с медведем из басни Крылова „Пустынник и медведь“.

„Что же дальше? Дальше некуда итти, товарищи, ибо перейдены все пределы допустимого в партии. Нельзя больше болтаться в двух партиях одновременно—и в старой, ленинской партии, которая есть единая и единственная партия, и в новой, троцкистской партии. Надо выбирать между этими двумя партиями. Либо оппозиция сама уничтожит эту вторую—троцкистскую партию, отказавшись от своих антиленинских взглядов и заклеймив открыто перед всей партией свои же собственные ошибки, либо оппозиция этого не сделает—и тогда мы сами уничтожим троцкистскую партию без остатка. Либо одно, либо другое. Либо оппозиционеры пойдут на этот необходимый шаг, либо они не сделают этого, и тогда они вылетят вон из партии“.



УЛИЦА УЖАСА

Очерк из жизни немецких шахтеров *Карин Михаэлис.*

Я не в силах забыть ужасной картины, представшей предо мной в Вальденбурге, в Селезии, в этом аду кромешном. Мне не забыть ее никогда. Никогда!

Мы идем по деревенской улице. Я протираю глаза. Что это? Не закружилась ли у меня голова? Дома стоят как-то странно, будто собираются улететь. Они похожи на на домики, нарисованные детской рукой. Я не верю своим глазам.

Улица внезапно опускается, образуя вогнутую дугу. Я хватаюсь за руку спутника... Боюсь продолжать путь. Меня успокаивают, бояться нечего. Правда, земля, действительно, опускается, и дома немного шатаются. Внизу, в земле, заложены мины. Но дома пока еще стоят. Полиция зорко следит за движением земли. В последний час перед развалом обитателям подают сигнал, и тогда они могут бежать. Бежать... Но куда? Это трудный вопрос. Чиновник смущен. — Если б я знал куда!—говорит он.

Мы заходим в покосившиеся дома. Жуткое зрелище! Полы совершенно покаты, мебель скользит в одну сторону. В стенах—щели, сквозь которые просвечивает небо. — И здесь живут люди?—Да. Ведь у нас жилищная нужда! — Тот, кто спит под крышей, считает себя счастливым. Если дом рухнет... Ну, что ж, тогда его не станет. Пока он стоит—можно жить в нем! Чистенькая хозяйка квартиры показывает нам заштукатуренные трещины. Она в хорошем настроении. Судьба ее пощадила: у нее нет детей—ни на кладбище, ни в больнице.

Она рассказывает нам, что скоро начнут все стены... Ведь мы находимся на участке угольных копей.

— Будь осторожна, подыматься по лестнице опасно,—говорит мой спутник. Полусгнившие ступеньки из'едены крысами. Наверху тепло и угарно. Там живет сапожник. Нам открывает дверь красивый молодой человек. Его лицо покрыто мертвенной бледностью. Жена еще прозрачней и бледнее, чем он, точно смерть уже окутала ее своим покровом. Она указывает на колыбель, в которой задыхается младенец: воспаление легких. Она показывает нам свою грудь—ее резали уже три раза, а она все еще гноится и болит. Ее муж стучит по сапогу, слезы текут по его впалым щекам. Он молчит. Жена подходит к кровати.—Здесь спим мы: моя мать, ребенок и я,—говорит она. В этом же помещении работают, готовят и стирают. Она открывает дверь. Нас обдает холодом и сыростью. Перед нами — узкий, темный, тесный чулан.—Здесь спят мой муж и брат, здесь же недавно умер мой отец от водянки. В больнице не было места.—Она приподнимает одеяло — матрац мокрый и гнилой. Пол покрыт темной плесенью и смрадными лужами.

И так живут 180.000 человек!

Жилище немецких шахтеров, вырытое в земле, за городом.

У меня мелькает мысль: не лучше ли умереть с голоду, чем заживо сгнивать, как эти несчастные.

Гробы, всюду гробы...

Смерть зловеще бродит из дома в дом, указывает костлявым пальцем на маленьких детей, и тотчас же блекнут розовые щечки и гаснет блеск невинных глаз. Появляется вереница гробов, и несчастные матери укладывают в них своих погибших детей. Жертвы угольных копей, жертвы смертносной горы! Деревни облепили гору, точно бабочки, слетевшиеся на огонь.

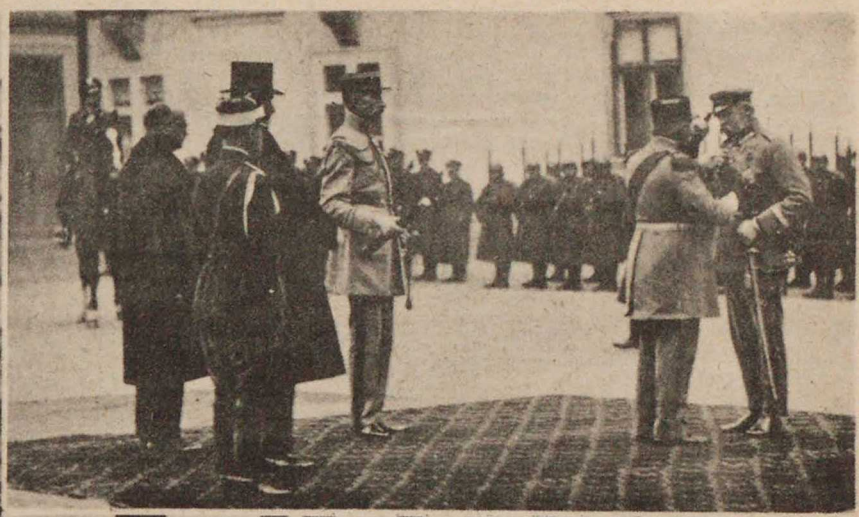
Мы проходим мимо одинокого домика на живописном холме. Какая прекрасная картина! Вероятно, тут расположилась семья, которая ищет счастливого уединения. Дом хорошо построен. Впрочем, нет, дом был хорошо построен. Сырость в этой местности и ядовитая гниль испарений могли бы, вероятно, раз'есть и уничтожить даже пирамиды.

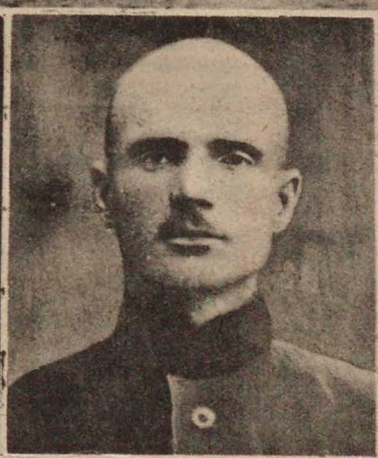
Мы ощупью взбираемся по развалившейся лестнице. Навстречу нам несутся дикие крики, брань...

Дверь открывается, мы отскакиваем назад. Это невозможно! Нельзя же заставлять жить в этой зловонной яме нежных, чувствительных, как цветочные лепестки, детей! Куда же девался пол? Кто разбил топором доски, чтобы дети падали в смрадные дыры? Мать босая, дети босые. Самый маленький — голый, остальные—полуголые. Вечная тьма царит в помещении, страшная вонь подымается из дыр между досок. Скоро бедные детки прольют свои последние слезы. Не плачь, несчастная мать, мы не осуждаем тебя за то, что твои дети кишат паразитами. Ведь все равно их заедят крысы и плесень, и они, полусгнившие, сойдут в могилу.

Перевела *З. Г.*

ПОЛЬША СЕГОДНЯ





Верхний ряд: слева — парад в Варшаве в день девятилетия польской независимости; справа — вручение маршалу Пилсудскому французского ордена „Военная медаль“ генералом Франше Дэсперей; в цилиндре — президент республики Мостицкий. Во втором ряду, слева — банкет в честь захватчика Вильны, генерала Желиговского (×). На банкете присутствует маршал Пилсудский (××). Справа — парад полка государственной польской милиции на Саксонской площади, в Варшаве. В нижнем ряду — депутаты польского сейма, члены Белорусской партии „Громада“ (слева направо): Голован, Рак-Михайловский, Волошин и Тарашкевич

Со времени майского переворота прошлого года в Польше происходит бесконечное количество парадов и церемоний. Главную роль во всех этих парадах играют армия и полиция. Параллельно проводится милитаризация Польши, и все более или менее важные командные высоты административного управления передаются в руки военных. Большинство чинов гражданской администрации заменяется военными и даже в качестве председателей правлений государственных банков выступают генералы. Культурную жизнь Пилсудский тоже отдает на откуп милитаристической военщине: кавалерийский полковник ад'ютант Длугошовский организует польскую академию литературы.

Обилие военных праздников характеризует стремление пилсудчиков заменить всю общественную и культурную жизнь страны одним военно-полицейским парадом.

Одновременно польские милитаристы брящают оружием, собираясь затеять войну с Литвой, у которой еще 7 октября 1927 года генерал Желиговский отхватил Вильну. Этот захватнический акт на другой день после подписания мирного соглашения с Литвой Польша старается об'яснить стремлением освободить Литву от большевистских поползновений.

На состоявшемся недавно банкете в честь генерала Желиговского, захватчика Вильны, присутствовал весь цвет польского генералитета во главе с маршалом Пилсудским. На банкете произносились воинственные речи, явно угрожающие миру восточной Европы.

Как бы в одобрение милитаристической политике в Польше, французская буржуазия в лице генерала Франше Дэсперей вручила польскому диктатору французский орден „Военная медаль“.

Милитаризация Польши влечет за собой, сильный нажим на оппозиционные политические партии. В ближайшее время предстоит грандиозный процесс членов „Громады“. Обвинительный акт занимает около 37 больших томов. К ответственности привлекается 500 обвиняемых, среди них 4 белорусских депутата польского сейма. К моменту разгрома беллорусская радикальная партия „Громада“ насчитывала около 100.000 членов и существовала легально. Один из депутатов выразился, что процесс „Громады“ является не чем иным, как судом над всем белорусским народом.

ДВЕ СТОЛОВКИ

Очерк *П. Н. Лепешинского.*

Полтора—два десятка лет тому назад ни одному немцу, французу или англичанину,— ни одному „крамольному“ гражданину той или иной так называемой „свободной“ страны и в голову не приходило прятаться от своего правительства на чужбине, пользуясь гостеприимством другого, более либерального государства. И только русские революционеры всех цветов и оттенков из года в год, спасаясь от цепких лап царской жандармерии и чудом ускользая из-под тюремных замков или из гиблых мест ссылки, искали убежища в Женеве, Париже, Лондоне и других центрах русской политической эмиграции.

Рисунок П. Н. Лепешинского.

Особенной известностью излюбленного эмигрантского пристанища пользовалась Швейцария, и, в частности, Женева. В моей памяти этот полурусский городок с его картинками эмигрантской жизни выступает на фоне предрассветного кануна русской революции 1905 г. В это время случаи бегства „политиков“ из мест ссылки, а нередко и из тюрьмы до такой степени участились, что отделы революционной хроники эсдековских и эсеровских газет, издававшихся в Женеве, едва успевали отмечать все новые и новые факты одурачения политическими пленниками своих, казалось бы, достаточно зорких церберов. Если в 70-х и 80-х годах удачное зарубежное бегство той или иной жертвы политического преследования в России производило всякий раз огромную сенсацию, как эпизод величайшего торжества в революционном подполье, то накануне 1905 г. такого рода факты расценивались уже, как нечто бытовое, обыденное, заслуживающее лишь статистической регистрации.

Целые кварталы Женевы представляли настоящие эмигрантские гнезда. На некоторых улицах только и слышалась русская речь. Глядишь вправо-влево, и с чувством удовлетворения констатируешь: „Эге-ж, все своя братия... всюду свои“. И действительно, ошибиться тут невозможно. Ну, разве могут деловитые женевские мещане в будни, в день не диманшный (не воскресный) так беспечно, с видом людей, не знающих, как убить время, фланировать толпами по тротуарам, орать на всю улицу, раскатисто хохотать и вообще вести себя с чисто русской непринужденностью? Разве эти русские косоворотки, рваные пиджачишки с чужого плеча и зияющие дырами ботинки могут принадлежать кому-нибудь иному, кроме как представителям эмигрантской богемы? Да и то сказать: кто же другой, как не русский эмигрант, может чувствовать себя полным хозяином вот этого последнего квартала „Каружки“, с ее большевистской столовой, или набережной Арвы, с ее „Вертепом“ — огромным пятиэтажным домом казарменного типа, сверху до низу переполненным соотечественниками Бакунина, Нечаева и Плеханова?

Их в Женеве много, этих Агасферов из породы „неблагополучных россиян“. Они— желанные гости женевских лавочников, торгующих залежалою колбасой, грес-де-порк'ом (свиным салом) и всякой иной снедью. Войдите в любую лавочку, и вы всюду услышите сначала бойко выкроенное нижегородско-французским языком: „Донне муа, же ву при“, а потом мучительное не то мычанье, не то стенанье, сопровождаемое страдальческим выражением лица. Дело в том, что покупатель забыл французское название той вещи, которую он хочет приобрести, и только когда его вспыхнувший огнем живейшей радости взор вдруг упадет на искомый предмет его покупательских вожделений, он с облегченным сердцем тычет пальцем в надлежащем направлении и спешит закончить свою недоговоренную фразу:

— Вот это... вуаля... ком са...

Ни единый мускул лица не дрогнет при этом у любезного хозяина или хозяйки лавочки. А ему-то что? Лишь бы только соответствующее количество сантимов перешло из кармана клиента в его кассу. Больше ведь ничего и не требуется.

Тут-то, однако, и напрашивается сам собою вопрос: каково же происхождение этих сантимов? Ведь обмен, как известно, происходит по формуле Д—Т (деньги — товар). Но каким именно образом Д попадает в карман вечно голодного, вечно оборванного и, признаться сказать, обладающего неограниченным запасом свободного времени наряду с не менее огромным Монбланом неудовлетворенных потребностей русского эмигранта в Женеве — вот в чем загадка, для разрешения которой нужен ум мудрого Эдипа.

„Тайна сия велика есть“, и, чтобы хоть сколько-нибудь приблизиться к пониманию ее, нужно учесть неисчислимое количество факторов: и эластичность эмигрантского организма, способного, в случае надобности, к такому воздержанию от пищи и питья, которому мог бы позавидовать сам святой Антоний, и необычайный нюх эмигранта по части угадывания, у кого из соотечественников можно перехватить „эн франк“ „до следующей получки“ якобы очередной дотации от сердобольной московской тетушки или от киевского дядюшки, и изредка перепадающее счастье, когда в эмигрантской кассе вдруг зашевелится несколько франков, заработанных нашими „рикшами“ перевозкой на шаретках, взятых напрокат, с вокзала или на вокзал пассажирского багажа, и многое еще другое.

Не малую роль в разрешении вопроса о предпосылках эмигрантского бытия в области, так сказать, нарпитовских проблем играет организация столовых. Каждая из эмигрантских групп старается обзавестись своей собственной столовой, где бы член данной группы мог получить за 60 или 80 сантимов обед—если и не всегда за наличные, то хотя бы в кредит. В этом отношении женевская фракция большевиков побила рекорд в смысле организованности и благоустроенности ее столовой. Член женевской группы, Ольга Борисова Л., получает от партии поручение (и специальную на этот предмет субсидию) сорганизовать партийную столовую. Это нужно не только с „нарпитовской“ точки зрения, но и для того, чтобы фракция имела свое собственное помещение как в интересах бесконечного числа деловых собраний (для докладов, для ведения кружков, для заседаний женевской большевистской группы, и т. д.), так и в целях клубно-увеселительного характера.

И вот на Rue de Carouge, № 93, снято торговое помещение. В большой комнате— на сто человек—с огромной стеклянной дверью и с таким же огромным витринного типа окном расставлены длинные столы голем, и за этими столами сидит наша эмигрантская братия и то-и-дело нетерпеливо постукивает ножами о тарелки, требуя от „хозяйки“ столовой достаточно быстрой реакции на запросы голодного эмигрантского брюха. Вышеупомянутая Ольга Борисовна мечется со скоростью вертящегося волчка

Большевистская столовка в Женеве на улице de Carouge. Вход в столовую отмечен крестиком.

Старая гвардия в часы досуга: П. Н. Лепешинский (справа) за шахматами. А. И. Рыков следит за игрой. Фот. Б. Игнатовича.

из столовой в кухню и из кухни в столовую,—там подсыпая запас свеже нарезанных ломтей хлеба, тому суя под нос тарелку с куском зажаренного мяса, с этим на-ходу перекидываясь репликами о возможных перспективах открытия для него кредита в „книге живота“ (нечто вроде „гросбуха“ столовой). Быстрота ее верчения вокруг собственной оси прямо пропорциональна не только нетерпению клиентов столовой (это нетерпение подсказано исключительно голосом вопиющего о своих мучительных состояниях никогда досыта не наполняемого желудка, но отнюдь не соображениями клиента по части экономии времени), а и ее собственному желанию поскорее „откормить“ восемьдесят человек—завсегдатаев столовой, чтобы поспеть на свои университетские занятия и выслушать очередную лекцию по анатомии. Тут же за отдельным столиком торчит унылая, скучающая фигура „кассира“, мужа хозяйки столовой. Ему очень хотелось бы быть полезным помощником в сложном и хлопотливом деле его жены, но он до такой степени плох по части выполнения тех или иных процессов в кулинарном производстве, что для него оказалась по плечу только одна функция—принимать от посетителей плату за обед и давать сдачу. Зато вечером его физиономия сияет: столовая полна не „голодными брюхами“, а человеками „с идеями“. Шум, споры, смех, неподдельное оживление. Это ведь все своя семья—товарищеская, сплоченная, спаянная общностью партийных интересов, сжившаяся и сработавшаяся на почве своего большевистского самоопределения. Столовая никогда не пустует, кроме ночных часов. То в ней заседает обширная женевская группа эмигрантов-большевиков, разрешая миллион мелких вопросов в связи с заботами группы об улучшении материального быта своих членов; то на очереди стоит доклад кого-нибудь из видных партийцев; то просто идут „на огонек“ свои ребята, чтобы поболтать от нечего делать, попеть, поиграть в шахматы, а иногда и поплясать.

Но самым большим праздником для завсегдатаев столовой бывало появление в ее стенах Владимира Ильича. На тот или иной его доклад в столовой сбиралась вся фракция до единого человека. Вот, например, проходит слух, что Ильич воспрянул духом и заготовил отповедь меньшевикам, состряпавшим порядочно-таки пахучий план проведения социал-демократами земской банкетной кампании. И действительно, приходит Ильич в столовую радостно возбужденный, каким мы его уже давно не видели, и весело потирает себе руки. Вся аудитория, расположившаяся и на скамьях, и на стульях, и на обеденных столах, шумно встречает любимого вождя и в свою очередь жизнерадостно настраивается, когда из нескольких пояснительных слов Ильича узнает, что письмо меньшевиков „только к членам партии“ о своевременности перехода от „низших“ форм классовой борьбы (всех этих, извольте видеть, уличных выступлений масс, вроде ростовской демонстрации, забастовок и т. п.) к „высшим“ формам — через участие пролетариев на банкетах либералов—знаменует новую стадию постепенного скатывания новоискровцев в бездну оппортунистической пошлости: сейчас уж, дескать, приходится говорить об их оппортунизме не в области организационных принципов, а в области тактических вопросов. У Ильича готов уж и ответ на этот новый симптом деформации меньшевизма в ближайшем номере „Вперед“. Он с подъемом зачитывает нам листок за листком почтового формата с мелким бисером вылетевших из-под кончика его пера строчек, и мы все, зараженные его настроением, готовы кричать „ура“ и петь „Интернационал“.

И не раз, не два стены русской столовой на Rue de Carouge были свидетелями шумных проявлений большевистского негодования или большевистского энтузиазма. Не раз и не два там завязывались первоначальные узлы той борьбы, которая впоследствии, развертываясь во времени и пространстве, привела русский пролетариат к Октябрю и приведет мировой пролетариат к вселенскому революционному пожару. И когда-нибудь в свободной Швейцарии, т.-е. свободной без ковычек, *по настоящему* свободной, свалившей с себя ярмо капитализма и торгашеского мещанства, скромная лавчонка на „Каружке“—недалеко от набережной Арвы—будет взята швейцарским пролетариатом под народную охрану и обращена в драгоценный филиал революционного музея в память о том периоде большевизма, когда это детище ленинского революционного гения впервые расправляло свои младенческие орлиные крылья и отращивало свои молодые когти.

С тех пор прошло свыше 20 лет. Все хорошо знают, сколько произошло за это время перемен декораций в той мировой драме, что берет свое начало в отдаленнейшие эпохи противостояния друг другу группы поработителей и порабощенных и кончится в недалеком уже будущем, когда взращенный капитализмом его же собственный могильщик похоронит под развалинами

старого режима все и всяческие формы угнетения, какие только знала история человечества.

Могут спросить: а что же сталось за эти 20 лет с посетителями „столовой Ольги Борисовны“? Вымерли ли эти „чудовища“, так сказать, палеолитической эпохи большевизма, или еще здравствуют и до сих пор? Да, многих из них уже нет между нами! Нет Ильича, нет Вацлава Вацлавовича Воровского, нет Загорского, а, может быть, и не одного еще десятка из числа тех, которых можно было видеть в 1904/1905 г. в столовой на Rue de Carouge. Но, к счастью и к особому удовольствию пишущего эти строки, много есть еще и поныне благополучно здравствующих старых товарищей, которые, так сказать, прошли через женевскую большевистскую толкучку в указанный период времени. Многим из них нет еще и 50 лет, но некоторым, убеленным сединами, перевалило уже за 60. И если вы, читатель, хотите видеть некоторых из них, то зайдите, пожалуйста, в совнаркомовскую столовую в Кремле. Там, среди отдыхающих часок-другой после обеда около шахматных досок, вы найдете в числе „кибицев“ [1] и белого, как лунь, Михаила Степановича Ольминского. Это знаменитый „Галерка“, возбуждавший когда-то своими антименьшевистскими памфлетами (в 1904/1905 г.) такой неистовый переполох в женевском меньшевистском курятнике, от которого шум шел по всей загранице. Его когда-то очень хорошо знала большевистская столовка в Женеве, а сейчас он милый и дорогой гость совнаркомовской столовой. Вон там и еще один клиент „столовой Ольги Борисовны“ — Петр Ананьевич Красиков, ныне всеми уважаемый прокурор Верховного суда РСФСР. Чувствуется, что он совсем еще не потерял способности метким bon mot (остроумным словечком) возбуждать вокруг себя гомерический хохот. Тут же за шахматной доской сидит и седовласый игрок, в котором — увы! — трудно уже узнать когда-то обладавшего роскошной темне-каштановой шевелюрой Олина, [2] когда-то уныло проводившего скучные обеденные часы за кассой в женевской столовке и с сознанием собственного достоинства председательствовавшего по вечерам на собраниях обширной женевской группы. Он играет сосредоточенно, видимо проверяя, насколько в нем сохранился еще запас интеллектуальной энергии, и почти не слышит приводящей в ужас Феликса Яковлевича Кона перманентной веселой болтовни неистощимого в своем остроумии т. Дмитриева, который в столовке славится, между прочим, и тем, что неизменно играет в шахматы своим собственным „диабетом“, [3] считая, что все остальные начала игры присущи лишь игрокам „неандертальского“ типа. Присосеживается к игрокам и известный когда-то в женевской столовой т. „Максим“ (т. Бранденбургский, тоже очень крупный работник — в советской юстиции). Ему нужно торопиться на заседание Большого Совнаркома, но в то же время хочется и партийку сыграть, и если таковая затягивается, он становится величайшим мучеником колебательных состояний, мятущимся между желанием довести игру „до победного конца“ и мыслью о том, что его место сейчас должно быть не здесь, в уютной столовой, а там, в пропитанном казенной деловитостью зале.

Тут же, на диване, можно заметить и остановившегося на минуту в своем вечном беге с одного доклада или лекции на другой доклад или лекцию — Владимира Ивановича Невского, тоже когда-то знавшего обеды Ольги Борисовны. Лицо у него усталое, напряженное, и он, видимо, с грустью считает те немногие минуты, которые может позволить себе для редкого отдыха. Иногда в глаза бросается всегда молодое и симпатичное лицо Лидии Александровны Фотиевой, а также и знакомые фигуры многих других товарищей, имеющих возможность не по наслышке лишь сравнивать тощие, наподобие отощалых фараоновых коров, шестидесяти-сантимовые обеды в женевской столовке и великолепные, вызывающие приятную ассоциацию идей о тучных фараоновых коровах, обеды совнаркомовской столовой, соответствующие бюджету едоков, в основе которого лежит партмаксимум.

Разница между двумя столовками огромная. Та, женевская, по своему внешнему виду скорее напоминает какую-то обжорку, между тем как совнаркомовская столовая обширна, чиста и даже, можно сказать, комфортабельно обставлена. В той, первой, посетители по своему внешнему обличию производят впечатление горьковских типов, в этой же, второй, люди „прилично“ одеты: на них цельные, незаплатанные пиджачишки, отнюдь не рваные ботинки, и на шее болтается какой-то галстук — символ элегантности. Там бесконечно велико нетерпение потребителя обедов Ольги Борисовны, жаждущего проглотить свою порцию не больше, чем в два приема по разеванию пасти, а здесь товарищ Дмитриев, получив медный талончик на обед, забывает реализовать этот талон на протяжении полутора часов, вспоминая о том, что он еще не обедал, уже после прокибицированной им третьей партии между невозмутимым Розенгольцем и нервным Коном. Там шумно, гамно, суетно. Здесь сравнительно чинно и солидно. Там средний возраст „населения“ — 25 лет. Здесь публика более или менее солидная, прошедшая уже достаточно большой жизненный путь. Там столовка является и партшколой, и местом для веселых вечеринок, и аудиторией для докладов в те или иные „большие“ дни — с выступлением Воинова (А. В. Луначарского), Шварца (В. В. Воровского), а не то и самого Ильича. Здесь столовая имеет ограниченные задачи, тесно связанные с обеденным и послеобеденным препровождением времени, а для всех других культурных и общественных потребностей ее посетителей в Москве имеются дворцы, театры, университеты... Словом, между двумя столовками такая же разница, как между той эпохой, когда функционировало скромное „заведение“ Ольги Борисовны в эмигрантской Женеве, и нынешним историческим моментом, с его переоценкой всех ценностей и его феерическими превращениями — куда более умопомрачительными, чем все чудеса „Тысячи и одной ночи“.

Но есть и нечто общее между двумя столовками: это общее то, что и там, и здесь большевистским духом пахнет. Дружба, товарищеская спайка, основанная на общности идейных интересов всех лиц, вываренных в большевистском котле, психология „братства на фронте“, заставляющая участников фронта чувствовать себя единым целым перед угрозою явных или скрытых опасностей для пролетарской революции перед лицом более откровенных или менее оголенных противников того дела, ради которого и молодой большевик ранней эпохи охотно готов был отдать все свои силы, личные интересы своего „я“, всю свою жизнь, и большевистский старый солдат революции нынешнего славного десятилетия не задумается принести те же жертвы — вот это-то и есть то „постоянное“, что находит свое отражение, между прочим, и в двух столовках, которые послужили предметом настоящего очерка.

П. Лепешинский.

[1] Ходячий в совнаркомовской столовой термин, применяемый к зрителям шахматной игры. Эти „кибицы“ совершенно не признают того основного, предусмотренного шахматным кодексом, правила игры, в силу которого зритель не имеет права не только мешать игрокам, но и каким-нибудь вольным или невольным жестом делать подсказы ходов. Обычно даже случается так, что игроки, под шумный аккомпанемент коллективного участия в игре „кибицев“, исполняют роль просто механических передвигателей фигур по настойчивому подсказу со стороны окружающих зрителей.

[2] Революционная кличка в Женеве автора настоящего очерка.

[3] Очень мило и грациозно звучащее на жаргоне т. Дмитриева слово „дебют“.

Советская делегация — на конференцию по разоружению

Из Москвы выехала делегация СССР на женевскую конференцию по разоружению. В состав делегации входят: заместитель народного комиссара по иностранным делам М. М. Литвинов, наркомпрос РСФСР — А. В. Луначарский, член президиума ВЦСПС — Ф. Я. Угаров, заместитель начальника штаба Красной армии — С. А. Пугачев, заведующий отделом Средней Европы НКИД — Б. Е. Штейн, и представитель военно-морского управления А. Н. Беренс. На снимке: отъезд советской делегации из Москвы: слева направо — М. М. Литвинов, А. В. Луначарский и выехавшие вслед за ними тт. С. А. Пугачев, Ф. А. Угаров, А. Н. Беренс и Б. Е. Штейн.

Фот. А. Тартаковского.

ТЕАТР ПИСКАТОРА

Очерк *А. В. Луначарского.*

Два года тому назад я познакомился с Пискатором. Знакомство происходило в довольно бурный момент—театр „Фольксбюне“, имеющий социал-демократический характер, но являвшийся в то время передовым театром Берлина, пожелал поставить мою пьесу—„Освобожденный Дон Кихот“. Пискатор, уже тогда член нашей партии, и режиссер, возбуждавший большие надежды, работал в „Фольксбюне“, и ему была поручена эта постановка.

Но запротестовал главный актер, игравший Дон Кихота, известный Кайслер. Ему казалось, что Пискатор, во-первых, чрезмерно революционизирует пьесу, а во-вторых, отступает от ее внутренней художественной правды.

А. В. Луначарский и немецкий режиссер Пискатор на просмотре „Распутина“ в театре Пискатора.

Когда я приехал в Берлин, обе стороны обратились ко мне; поскольку пьеса была обещана „Фольксбюне“ и поскольку я, как автор, вообще терпеть не могу вмешиваться в постановочную сторону, я решительно отказался от всякого вмешательства в конфликт. Дело кончилось уходом Пискатора из театра, а постановка „Дон-Кихота“ состоялась, и имела, как известно, значительный успех.

Тогда же Пискатор говорил мне, что он не может работать ни в одном из театров Берлина и убедился, что „Фольксбюне“ не составляет при этом исключения. Он поведал мне о своем желании создать в Берлине истинно революционный театр, который был бы одновременно революционен по форме и содержанию. При этом Пискатор спрашивал меня—можно ли было бы рассчитывать на какую-либо поддержку из России. Я сказал ему, что при нынешних наших условиях рассчитывать на такую поддержку вряд ли возможно, и что, по моему мнению, лучше было бы начать с работы в каком-нибудь клубе, в каком-нибудь театре, стоящем посреди рабочего предместья. Но Пискатор только усмехнулся. И что же—теперь, вернувшись в Берлин, я уже имел возможность побывать в его театре, ставшем одним из центров внимания всей Германии, а в некоторой степени даже Европы.

Пискатор собрал труппу, в которую вошло несколько замечательных актеров и актрис. Он создал совершенно вновь оборудованную сцену, осуществив десятки больших и маленьких технических изобретений, на которые взял патент. Он окружил себя молодежью, которая верит в него. Он заставил все и всех говорить о себе и спорить до хрипоты „за“ и „против“ своих начинаний.

Полностью, в законченном виде, я видел только одну пьесу, поставленную в его театре—именно „Гоп-ля, мы живем!“ Некоторые критики, в том числе глубокоуважаемый тов. Фриче, отнеслись к этой пьесе с чрезмерными требованиями. Они нашли ее не коммунистической, потому что главный герой ее представляет собой нервный тип, немного напоминающий „братишку“ из „Штиля“, не могущий примириться ни с какой половинчатостью, стремительно бросающийся к прямой цели и при этом разбивающийся вдребезги.

Тов. Фриче сказал, что возглас, раздающийся после его самоубийства—„так не умирают революционеры!“ — недостаточен, ибо, в общем, симпатии зрителя на стороне этого, терпящего крушения, максималиста.

Я не согласен здесь с тов. Фриче—возглас этот великолепно ограждает публику от искушения принять героя пьесы за подлинного героя жизни.

Но если я возражаю против слишком строгой критики пьесы и тех частей спектакля, в которых отражается непосредственно драматическое действие, то я уже со всей горячностью буду защищать ту художественную рамку, в которую вставил картину Толлера Пискатор.

Рамка эта, прежде всего, кинематографическая. Пискатор в скором времени будет ставить картину „48-й год“. Я уверен, что картина эта сразу поставит его в первые ряды кино-режиссеров.

Как изобретатель сценических эффектов, Пискатор прямо неисчерпаем. Когда одна очень хорошая и опытная актриса,—тоже наш товарищ, — сказала мне, что Пискатор—мейерхольдовец и, в сущности, повторяет то, что уже найдено Всеволодом Эмильевичем, я был согласен с ней, пока не видел самого спектакля, но сейчас я решительно возражаю — у Пискатора есть целый ряд приемов в духе Мейерхольда, но изобретенных им самим и использованных с великолепным успехом. Экраны и прожекторы создают у Пискатора целую систему новых приемов декоративного искусства и воздействия на зрителя. Например, когда перед вами рисуется разрез тюрьмы с ее камерами и начинаются перестукивания — тревожные, нервные, по поводу возвращения в тюрьму героя пьесы, в качестве убийцы министра,—то на освещаемой вдруг снаружи сетке начинают набрасываться во всех направлениях и разной величины буквами такие же тревожные надписи, расшифровывающие значение стуков. И так как за короткий промежуток проходят огромные события — герой приведен, он разбит и в отчаянии не слышит призывов своих товарищей, он вешается, а, между тем, настоящий убийца пойман, и уже идут его освобождать — эта тревога перестукиваний достигает какой-то сумасшедшей кульминации, а надписи багровые, страшные, торопливо испещряют всю сцену вплоть до страшного открытия о смерти арестованного за минуту до его освобождения. Тут и раздается громкий, полный сочувствия, укоризны, и в то же время уверенный голос: „Так не умирают революционеры.“

Эта сцена, в которой скомбинированы большая симультанная декорация (6—7 камер), прозрачный занавес, который то позволяет вам видеть глубину сцены, то превращается в экран, стуки, музыка, прожектор со своими живыми надписями—все это представляет собой такую театральную комбинацию, какой я еще не видел.

Второй спектакль—„Распутин“, который сейчас прошел в Берлине с выдающимся успехом и представляет собой переделку известной пьесы „Заговор императрицы“, я видел в незаконченной форме на репетиции.

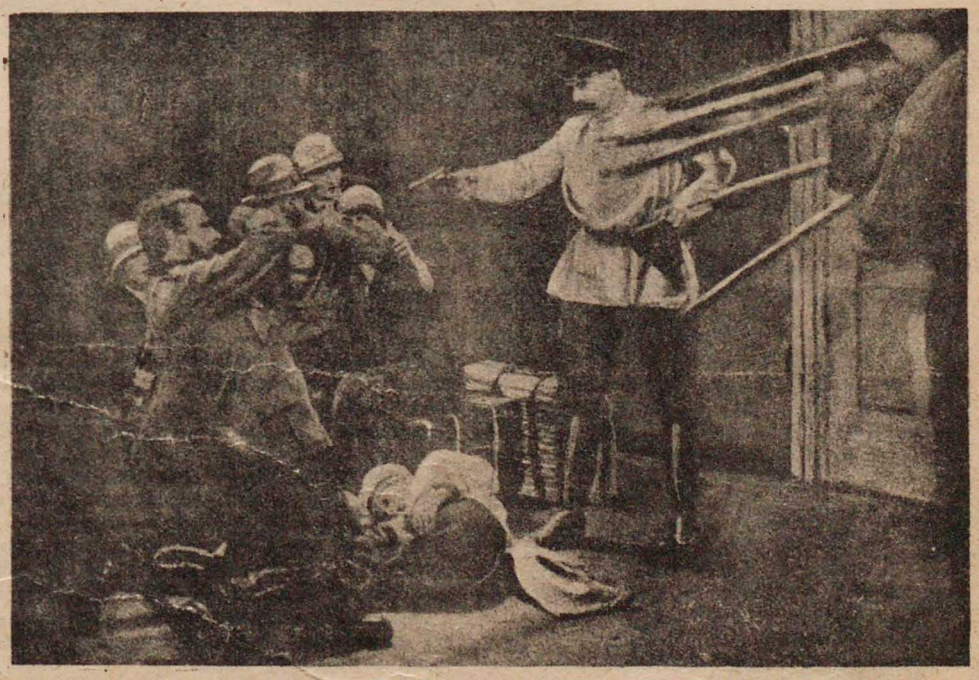
Я видел не весь спектакль и не могу о нем судить. Могу сказать только, что самая пьеса, от которой я вообще не в восхищении, потеряла в игре немецких актеров, очень хороших, однако.

Но Пискатор вставил множество, иногда чрезвычайно эффектных, интерполяций, народные сцены, в которых чередуются разные афоризмы на счет войны и революции с революционными гимнами, сцену, в которой одновременно в трех амбразурах Николай II, Вильгельм и Иосиф молятся каждый своему богу о победе и отрекаются от всякой виновности в войне.

Надо сказать, что постановка Пискатора придала пьесе богатство, динамизм и большую революционность. Я просто не могу об'яснить себе, почему некоторые коммунисты как бы стараются подходить к Пискатору с предвзятым сомнением. Почти ни один упрек, направленный против него, не является существенным. Но если даже можно было бы отметить те или иные существенные недостатки, то как можно отрицать такое огромное завоевание, как создание, в конце концов волей одного человека, революционного театра, подобного которому во всей Западной Европе нет и никогда не было, театра, настолько близкого к коммунистической партии и ее убеждениям, что каждую минуту можно бояться вмешательства охраняющих жизненный порядок сил, театра, который заставляет принять с уважением свои спектакли наполовину переполняющую его буржуазную публику и привлекает из далеких кварталов по меньшей мере пол-зала рабочих.

Я лично приветствую Пискатора, я лично считал бы величайшей ошибкой показать какую-нибудь придирчивость, даже холодность к этому человеку. Мы можем только оттолкнуть от себя его и его сотрудников. Рабочая среда, революционная среда, должна окружить Пискатора сочувствием, содействием, разумеется, и критикой, но критикой глубоко товарищеской, неукоснительно отмечающей рядом с недостатками и огромные завоевания его театра.

А. Луначарский.



Расстрел Николая Романова. Эпизод из пьесы „Распутин“, идущей в театре Пискатора, в Берлине. Роль Николая исполняет Эрвин Кайслер.

ПАУКИ И ПЧЕЛЫ

Рассказ *Матэ Залка.*

Перед окопами, на проволочных заграждениях протянул свои сети пузатый паук. Под проволочными заграждениями лежали распухшие трупы, на которых вместе с червями пировали разные насекомые, начиная с самой мелкой серой мушки и кончая большой, блестящей золотом трупной мухи.

Паук смотрел на каждую муху, как на свою добычу: среди пауков в то время царила большая дружба. Над каждым трупом висела широко раскинутая паутина. Им не было надобности конкурировать друг с другом в погоне за мертвецами.

Пауки жили и жирели. Однако, в то же время их сети ширились да ширились. Добрососедские отношения между ними стали портиться.

Однажды случилось вот что. Над окопами с громким жужжанием пролетела пчелка. Она стремилась туда, где рядом с трупами росли медовые цветы. В то время как пчелка подлетала к проволочным заграждениям, в паутину попалась маленькая серая мушка. Молодая паучиха, дежурившая тут же, мигом бросилась на жертву, но в тот момент, когда она схватила ее, пчела яростно жужжа, совсем как сердитый аэроплан, со всего размаха бросилась на паутину и разорвала ее. Потерявшая равновесие паучиха увидела, что освободившаяся мушка, восторженно трепеща крылышками, улетела вместе с пчелой.

Говорят, что после этого мушка совершенно подпала под влияние пчелы. Среди своих собратьев она развила неимовернейшую пропаганду, смысл которой был тот, что мухи должны организоваться так же, как пчелы: летать вместе, и если кто попадет в лапы паука—освобождать друг друга.

Так и сделали. Мухи стали летать большими стайками, и когда кто-нибудь из них застревал в паутине, остальные выручали, разрывая сети.

Все это происходило на глазах у гостившего неподалеку шершня.

Шершень галантно подлетел к упавшей паучихе, поднял ее, взял под крылышки и полетел назад к проволке.

Когда пауки увели паучиху к себе, шершень показал пузану свое огромнейшее жало и предложил ему свои услуги.

— Кто этот летающий нахал?—обиженно спросил пузан.

— Разве вы не знаете? — спросил шершень,—это украшение и гордость мушиной породы, из семьи рабочих. Это же пчела.

— Какая от них польза? — спросил пузатый.—Я их никогда не ел.

— Напрасно. Да, я вам еще забыл сказать: пчелы презирают пауков. Они считают их разбойниками с большой дороги, угнетателями неорганизованных мух.

— В чем же заключается их организованность?—спросил он как бы равнодушно.

— Ох, и не спрашивайте. Это — сила. Мы, шершни, тоже ведь живем все-таки организованно. Мы живем бандами, военными группами, но по сравнению с пчелами наша организация прямо детская. Хоть они нам и близкие родственники, но должен признаться, что это очень опасные насекомые. Они живут вместе тысячами. Целый день работают, собирают мед... Вы, вероятно, не знаете, что такое мед? Сок, который можно вытянуть из тела мушки—жалкая жидкость по сравнению с ним. Ничтожество.

И шершень затянул восторженную песнь о меде, которую кончил так:

— Нет, вам это слишком трудно понять, господин паук. Мы, шершни, одно время, надо сказать, были господами над пчелами. Мы были, так сказать, их военщиной: за то, что мы их защищали, мы могли пользоваться медом, сколько угодно. Да, сколько угодно! Даже вспоминать не хочется, потому что, по правде сказать, мы чересчур пользовались этим правом, и пчелы в один прекрасный день выгнали нас.

— Проще говоря...

— Да, конечно, мы сейчас вроде эмигрантов.

Паук долго молчал и мигал своими тяжелыми веками. Видно было, что разговор произвел на него большое впечатление. Наконец он поправил у себя на пузе черный крест и, тяжело дыша, заговорил:

— Ну, посмотрим.

— Что вы под этим изволите разуметь?—спросил шершень.

— Там видно будет, дорогой друг. Могу только сказать, что в ближайшее же время я вас приглашу на медовый пир.

— Вот хорошо бы было! — восторгался шершень.—Давно мечтаю.

— Вы думаете, что я не смогу добиться этого? Ошибаетесь. Мы живем в эпоху пауков. История вложила в наши руки судьбу всех насекомых. Эта война нас очень поддержала. Мы окрепли и развились, но надо помнить, что дело только сейчас развертывается.

— И-и-извиняюсь, — заговорил тоже гостивший у паука - пузана длинноногий ученый паук. — Вы, дорогой родственник, неправы. План этот я считаю неосуществимым. Вы немножко опоздали.

— Как это так, дорогой ученый родственник? —спросил пузатый.

— О-о-очень просто,—возразил задетый за его ученый авторитет длинноногий. — У пчел организованность развивалась именно в процессе истории. Я вам решительно не советую начинать войну с ними. Это может кончиться тем, что они с'организуют против нас всех мух.

— Глупости, мух никто не сумеет организовать. Это легкомысленные и вполне доверяющие нам существа. Они всегда останутся для нас добычей. Я поставил себе целью разрушить возмутительную организованность этих пчел.

— Правильно,—подтвердил шершень. — И мы поможем.

— Вот, видишь,—союзник!

Ученый, поправив что-то в коленях всех своих шести ног, стал поспешно прощаться.

— Я считал своим долгом предупредить. А то, что господин шершень так охотно идет на помощь, указывает только на неосуществимость этой задачи.

— Кислый дурак! — крикнул вслед ему пузатый.—Еще ученым себя называет.

* * *

Вскоре после этого разговора пауки заметили очень странную вещь. Мухи летали только стаями. Как только кто-нибудь из них попадался в паутину, вся стая бросалась на нее и разрывала в куски, освобождая пленника.

Случалось, что мухи попадали в плен. Тогда пузатый приказывал привести их к себе и начинал допрашивать. Иные, перепуганные на-смерть, мушки, говорили, что таким приемам научили их пчелы. Им паук говорил:

— Видишь, я тебя освобождаю. Лети и скажи своим, что пауки не всех мух убивают. Иди же.

Попадались и такие мушки, которые верили пауку и говорили своим братьям то, что им велел паук. Сперва их называли заблудившимися, затем соглашателями, и, наконец, предателями,—и выбрасывали из своей среды.

Те, которые ничего не отвечали на расспросы паука, были немедленно пожираемы.

* * *

До осени было еще далеко, когда паук собрал свою семью и друзей и отправился в поход против улья. Пауки расположились на дереве против улья. Старый пузан приказал начать работу. Тотчас от одного дерева до другого были протянуты крепкие двойные нити.

Из улья все это было хорошо видно. Пчелы получили приказ по одной не летать и до поры, до времени избегать столкновений с пауками, ожидая дальнейших распоряжений.

Матка, желая узнать намерения пауков, послала к ним делегацию.

— С какой целью вы нас окружаете?—спросили пчелы.

— Вы против меня организуете мух.

— Это дело мух. Они наши родственники. Правда, они очень легкомысленные существа, но все же чувствуют, что вы их угнетаете, а мы их защищаем.

— Кроме того, вы присваиваете себе весь мед из полевых цветов, — крикнул за спиной паука шершень.

— Так вы в союзе?—спросили делегаты.

— Вроде этого.

— Что касается меда, то наше мнение, что он принадлежит тому, кто его собирает.

— А наши старые права?—крикнул шершень.

Пчелы повернули и улетели. Они передали все слышанное общему собранию.

С этого дня перед входом в улей стоял наготове вооруженный караул. Кроме того, повсюду были выставлены дозорные. И если кто-нибудь из них попадал в сети, на помощь вылетали целые отряды. Столкновения с пауками все учащались.

* * *

Осенью, когда улей был полон пахучим медом, серая пелена паутины густо окружала улей. Оставалась только небольшая щель, через которую группами с боем пробивались возвращавшиеся с полей пчелы. В одно утро и этот проход был закрыт.

Немедленно доложили об этом матке. Она вышла из своей клетки и приказала, чтобы все работницы превратились в воинов. Так и сделали. Снаружи слышалось нахальное пение шершня, летающего вокруг улья. Однако, наученный горьким опытом, он не смел приблизиться к выходу, у которого стояла усиленная вооруженная стража, прогонявшая прежних дармоедов. За густой пеленой паутины слышался печальный гул собравшихся посмотреть на битву мух. Пауки кричали им, стараясь привлечь на свою сторону, что после битвы они тоже могут полакомиться.

В это время произошло нечто потрясающее. Матка вышла из улья. Она крикнула:

— Трудящиеся, против нашего рабочего улья заключили союз пузатый паук и дармоед - шершень. Они хотят нас задушить, хотят уничтожить плоды наших трудов, но мы не боимся их, мы готовы к отпору. Мухи, легкомысленные наши родственники, смотрите, во что превращает насекомых организованность. Смотрите и учитесь на нашем примере.

Как только прозвучало последнее слово, из улья с угрожающим жужжанием вылетел весь рой. Несмотря ни на какие преграды, он всей силой обрушился на серую пелену паутины. Паутина задрожала и лопнула, не выдержав огромного напора. Серая пелена упала на землю, покрывая своими обрывками ожидавших добычи шершней.

Тогда рой поднялся ввысь и, повернувшись назад, окончательно разрушил остатки паутины.

Пауки, увидев это, в панике забились в трещины земли и дупла деревьев.

* * *

Мухи не верили своим глазам. Они были напуганы мужеством пчел. Собравшись с духом, они полетели, радостно звеня своими крыльями и разнося везде и всюду весть о победе пчел над пауками.

Матэ Залка.

НЕЛЕГАЛЬНЫЙ И КОНФИСКОВАННЫЙ ТОЛСТОЙ

Очерк *Влад. Бонч-Бруевича.*

Когда в 1882 году Лев Николаевич закончил свою „Исповедь“, и когда наступило время ее опубликовать, то тут сейчас же перед ним стал вопрос о царской цензуре. Совершенно было ясно, что в том виде, в каком было написано это новое произведение Льва Николаевича, обличающего и бичующего не только себя самого, но и все владеющие, господствующие правящие классы той эпохи, задевающее и высокопоставленных лиц, и правительственные должности, и сановитых чиновников, — цензура самодержавного правительства печатать не разрешит.

Перед Львом Николаевичем стал вопрос, как писать: считаться или не считаться с цензурой? И он решил этот столь мучительный для многих писателей вопрос с той последовательностью, с которой всегда подходил ко многим, тому подобным вопросам. Он стал писать все так, как если бы не было никакой цензуры, совершенно забывая о том, что скажут правительственные церберы об его писаниях, стал писать во-всю, что хотел и считал необходимым сказать, ни мало не заботясь о том, как, каким образом эти его произведения дойдут до читателя вообще и читателя из народной среды в особенности, мнением которых Лев Николаевич особенно сильно всегда интересовался. Для той отдаленной эпохи, когда свирепствовал истинный террор в печати, проводимый царской цензурой по настоятельным требованиям самого тупоумного царя Александра III, когда буквально за каждую мелочь, за каждое резкое слово сажали в тюрьмы, высылали в отдаленные места, — тогда это решение Льва Николаевича было несомненным проявлением мужества и достоинства. Его запрещенные сочинения стали в рукописях обращаться среди публики. Их переписывали рукой, их печатали различные кружки на гектографе, на литографских станках, размножали всевозможными иными способами, и нелегальный Лев Толстой становился все более и более популярным. В самых неожиданных учреждениях образовывались группы, которые посвящали себя размножению запрещенных произведений Льва Николаевича. Так, я вспоминаю, что в нашем закрытом учебном заведении—в Костантиновском Межевом институте—группа воспитанников старших классов решила отпечатать полный текст „Крейцеровой сонаты“, который сначала был тоже запрещен цензурой. Это было в 1889 году. Группа учеников пятого и шестого классов великолепно переписала химической тушью текст этого, волновавшего тогда всех, произведения Толстого. Для нелегального печатания условились с одним из рабочих казенной институтской литографии, переводившим этот текст на литографский камень и по ночам печатавшим сто экземпляров на писчей бумаге, которую доставали отчасти из казенных складов, отчасти покупали. Чуть-чуть было это предприятие не провалилось в самом конце. Наш директор страдал бессонницей. Бродя ночью по институту, он зашел на огонек в литографию и, увидев работающего литографа, спросил:

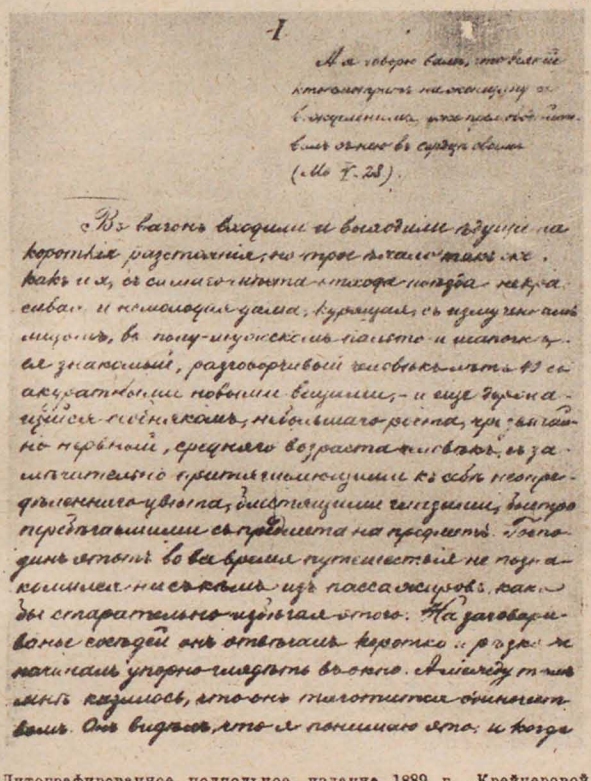
— Почему ты не спишь? Что ты тут делаешь?

— Подготовляю камень к экстренной работе, ваше превосходительство, — отчеканил не растерявшийся рабочий и тут же на глазах изумленного генерала Кострова полил камень так называемой крепкой царской водкой, под магическим действием которой вся химическая тушь мгновенно исчезла и камень был совершенно чист. А литограф продолжал совершать тут же свои необходимые манипуляции по подготовке камня под работу.

— Не надо себя так переутомлять, — иди спать, завтра докончишь работу, — благодушно и наставительно брюзжал генерал, радуясь такой изумительной преданности к казенной работе подчиненных ему служащих. И его превосходительство благополучно выкатился из мастерской.

„Крейцерова соната“ вскоре вышла в свет. Была великолепно сброшировано в зеленый кантик и быстро распродана по Москве по рублю за экземпляр.

Таких изданий было множество. Главным местом распространения нелегальных произведений Толстого было организованное В. Г. Чертковым издательство „Посредник“, в котором такое близкое участие принимал сам Л. Н. Толстой. Здесь по определенным дням собиралось довольно



Литографированное подпольное издание 1889 г. „Крейцеровой сонаты“.

много народа на чтение новых произведений Л. Н. Толстого; здесь печатались на машинке, переписывались рукой и копировались новые списки этих произведений и отсюда распространялись они повсюду для дальнейшего размножения. Наконец, наступило время начать печатать книжками нелегальные произведения Л. Н. Толстого. Для этого была собрана некоторая сумма денег и командирован в Женеву П. И. Бирюков, который стал печатать эти произведения Льва Николаевича у известного женевского издателя-эмигранта Э. Элпидина. У него они выходили том за томом, и с них тотчас же появлялись переводы на всех языках. Г. В. Плеханов, вспоминая этот первый приезд П. И. Бирюкова в Женеву, говорил мне, что в то глухое реакционное время, несмотря на теоретические несогласия с Л. Н. Толстым по целому ряду вопросов, нельзя было не радоваться тому, что „великий писатель земли русской“ пренебрежительно откинул требования самовластной царской цензуры и мужественно стал печатать нелегально в России и за границей свои произведения под полной своей подписью.

— Это прекрасный удар сатрапам правящей русской клики, который чреват последствиями, — говорил Георгий Валентинович,

И с тех пор произведения Льва Николаевича все более и более печатались за границей, и доведены были до систематической работы над ними и регулярного их выпуска, когда В. Г. Чертков был выслан из России, поселился в Англии, где организовал свою типографию и стал широко издавать произведения Толстого в издательстве „Свободное Слово“, при постоянном участии в этом деле его недавно умершей жены А. К. Чертковой. Некоторые нелегальные издания писаний Л. Н. Толстого достигали огромного распространения. Так, полный текст романа „Воскресение“ за границей на русском языке был отпечатан в разное время в количестве 35.000 экземпляров, и этот огромный тираж целиком разошелся среди русских читателей, принимавших все меры к тому, чтобы доставить это конфискованное произведение Льва Николаевича в Россию. И действительно, оно в большом количестве появилось всюду в России.

Царское правительство неустанно боролось с произведениями Толстого, гоняясь за каждой его брошюркой, желая конфисковывать все случайно проскочившее в легальную печать, что только казалось ему мало-мальски подозрительным. Конечно, огромное число произведений Льва Николаевича просто цензура запрещала и не допускала до печатного станка. Многое же выходило в свет в России в таком искаженном виде, что не оставалось ничего похожего на действительное творение Льва Николаевича. После революции 1905 года цензура продолжала так же свирепствовать, как и до революции. Лишь только во время самой революции различным издателям удалось кое-что напечатать из запрещенных произведений Льва Николаевича, которые, конечно, мгновенно разошлись, и которые долгое время на всех обысках отбирались у обывателей и предавались уничтожению.

Полного списка конфискованных царской цензурой произведений Льва Николаевича мы до сего времени еще не имеем. У нас, однако, имеется интересная книжка, изданная царским правительством для руководства инспекторов печати, под названием: „Алфавитный указатель книгам и брошюрам, арест на которые утвержден судебными установлениями“. Это — солидная брошюра ценою в 50 копеек, имеющая 155 страниц, заполненных исключительно названиями книг, подвергшихся запрету в силу действовавших в царской, думской, конституционной России законов о „свободе печати“. К этому „указателю“ были выпущены, два „дополнения“. Сюда однако, не входит перечень конфискованных газет и журналов, который, насколько нам известно, так и не был издан царским правительством.

Из этих списков мы видим, что произведения Л. Н. Толстого подвергались конфискации в России с 1906 г. по 1911 г.— *сорок шесть раз* на трех языках (русском, украинском и латышском), при чем на русском языке в 41 случае, на латышском в 4 случаях, и на украинском в одном случае. Всего было конфисковано 42 различных произведения Л. Н. Толстого, при чем в некоторых конфискованных книжках было напечатано по несколько статей. Наибольшее число конфискаций падает на произведения, отпечатанные в России в 1906 и в 1907 гг., т.-е. в года самой свирепой реакции, в года разгула черной сотни. Само собой понятно, что все, изданное Толстым и его друзьями за границей, оставалось также запрещенным и недоступным для жителей царской империи.

Влад. Бонч-Бруевич.

РАВНЯТЬ РЯДЫ!

По материалам, поступившим на 27-е ноября, подано заявлений по Советскому Союзу о приеме в партию за день — 3.844. А всего с начала кампании — 59.325. Подача заявлений продолжается.

„Правда", № 272.

Незаметно, старательно скрывая свое состояние, представитель райкома сердился. За последние эти дни, когда вслед за дискуссионным шумом в двери партии пошли вереницы рабочих, ему приходится сидеть на пятом или десятом открытом собрании ячейки,—проходят уже сотни людей: кочегары с белыми зубами и блестящими взглядами, неразговорчивые литейщики, пасмурные ткачихи и смелые, твердые в слове слесаря... много лиц, еще больше слов, вызывающих тысячи мыслей, — но товарищу из райкома пришло в голову просто для себя лично выяснить, *как* выносил в себе это решение рабочий перед своим вступлением в партию?

Как это происходило с ним? Как он обдумывал? Что заставило его теперь, в дни, несомненно, трудные для партии, вдруг написать это свое заявление, выйти перед рабочими, чтобы подвергнуть себя перекрестному опросу? Каким путем он добрался до этого стола партийного президиума?

Словом,—*как*?

Товарищ из райкома говорил мне, что полно и ясно представить себе он этого не может. Слишком коротки ответы рабочих... Конечно, заниматься беллетристикой рабочий не умеет, и исповедываться со слезами в горле не станет, и совсем это не нужно. Самый факт вступления в партию в совокупности с личными и общественными качествами вступающего для партии ценее, чем все другое, и товарищ из райкома говорил мне, что ему просто интересно самому проследить „эволюцию человека", а сделать этого он за работой никак не может. Вот он легонько и сердился, расспрашивая слесаря о том, как он решил стать коммунистом.

Из рядов кто-то со смехом в голосе добавил:

— В самом деле, Дронин, десять лет на печке спал, а теперь проснулся?

Собрание усмехнулось. Прокатился шумок. Дронин, выставленный перед этим собранием людей, смотревших на него как-то по-новому, заинтересованно и, пожалуй, строго, вздрогнул одними небритыми скулами, глянул на стол президиума и ответил тихо:

— Теперь решил.

— Да. Но как решили?

— Как решил? Просто, — он дернул нетерпеливо плечами.—Надо итти в партию.

Член бюро ячейки — кузнец, с лицом серым, с такими же глазами, в которых трудно читать,—поднял палец.

— Ты в Красной был?

— Был.

— Воевал?

— Воевал.

— За что воевал?

— За что все, за то и я.

— Ранены?—спросил член райкома.

— Да.

Кузнец продолжал:

— Почему в армии не вступил?

— Мало читал,—ответил слесарь.

— В ленинский набор почему не вступил? — тихо спросил кузнец и откинулся на стуле.

Собрание молчало. Ждали ответа.

Дронин поглядел себе под ноги. Лица его не было видно. Он медлил с ответом. Помял рукой полу и совсем тихо сказал:

— Не чувствовал того, что чувствую теперь.

Кузнец, очевидно, увлекся своими острыми вопросами, сразу спросил:

— А что чувствуешь теперь?

Дронин усмехнулся.

— То, что надо вступать в партию.

Собрание уже было на стороне Дронина и неодобрительно смотрело на своего кузнеца.

— Хватит!—крикнули.

— Чего пристал к человеку... И в самом деле... Что да что...—Зашептались.

Дронин молча ждал.

Секретарь ячейки дружелюбно кивнул ему:

— Ладно, Дронин.

Этот кивок означал, что Дронин в числе других будет принят в партию. 32-летний слесарь, служивший в Красной армии, ничем не запятнавший себя на заводе, имел все данные стать коммунистом.

Его ячейка приняла. Но меня, как и товарища из райкома, заинтересовал вопрос:—Как?

И потому что слесарь просил меня (зная, что стану писать о нем) не называть его имени и завода, где он работает, я придумал ему фамилию Дронин. Так и будем говорить о нем—слесарь Дронин.

Года два тому назад Дронин часу в одиннадцатом почи шел с приятелем по Симоновке из пивной. После криков и споров и „разлюбезных" разговоров, в голове стоял шум — не весело, не скучно, а так—чепуха какая-то.

Встретили они этого самого кузнеца, что спрашивал Дронина теперь. Остановили.

— Откуда?

— С ячейки, — сказал кузнец. — Дайте, товарищи, папироску. Пропадаю.

Дронин заметил:

— Преете все?

— Преем, — миролюбиво ответил кузнец.

— Охота хуже неволи,—засмеялся Дронин.— А мы выпили.

Кузнец закуривая сказал:

— Тебе в пивной сидеть охота — сиди.

Покашлял.

— Ваше дело беспартийное.

И все. На том разошлись. Но Дронин после этого, на первый взгляд незначительного, разговора стал сердиться на кузнеца и при встречах с ним старался подальше уйти от него. Ему казалось, что кузнец именно его и как-то особенно хотел зацепить и обидеть этой фразой. „Ваше дело беспартийное". Почему—„ваше"? Почему—„сиди в пивной"? Чем он лучше, умнее, достойнее меня? Он в армии даже не был, а я был... и, может быть, убили бы меня. „В пивной сиди... Тебе охота"...

Дронин сердился.

В кратком фельетоне неминуемо приходится нанизывать факты один на другой. Поэтому трудно рассказать полно и подробно, как Дронин зашел впервые на открытое собрание ячейки, и почему зашел, и почему он там просидел до конца, почему стал ходить на занятия кружка политграмоты и бросил эти занятия, но, бросив, подписался на „Правду". Сам Дронин этого не знает. Начало что-то интересовать. Появилось какое-то новое, тревожное чувство к самому себе. Что ты? Кто ты? Где ты? Почему кузнец Смушкин это знает, а слесарь Дронин этого не знает? И почему слесарь Дронин может махнуть на все рукой, а кузнец не может махнуть рукой?

Это тревожное свое время Дронин охарактеризовал бы коротко и просто:

— Задумываться стал.

И однажды за чаем он сказал жене своей:

— Думаю вступить в партию.

Не то чтобы удивил ее, а рассердил, вызвал на насмешки.

— Вот тебе... — она передразнила его, — в партию. Партейный... Да я тогда разведусь с тобой.

Последнее Дронина удивило.

— Почему ж ты разведешься со мной?

— Разведусь и все,—угрюмо сказала жена.

— Почему?

— Мое дело.

— Дура, скажу тебе от души.

— А ты поумнел, как коммунистом стал!

— Я еще не стал!

— Авось, станешь.

— Стану.

— А я скажу, и не станешь.

— Говори.

— И скажу.

— Что ж ты скажешь?

— Скажу... уж я скажу!

Но „сказать" она, видно, не знала что, и поэтому целый день не разговаривала с мужем, а отлупила Ваську, разбила чашку и ушла к соседям.

Примерно через неделю, когда, как думал Дронин, этот разговор был забыт женой, она села однажды с ним рядом и ласково сказала:

— Вася, а я вот хочу сказать тебе...

Она начала говорить о том, что, по ее мнению, очень скоро должна быть война, которая неминуемо погубит большевиков и что в свою очередь означает повальное истребление коммунистов... Дронин понял. Весело спросил:

— Ну?

Женщина заплакала, обняла его.

— Не ходи ты в партию... Не ходи.

Дронину было жаль жену. Она плакала так, будто в самом деле его уже приговорили к смерти и сейчас повесят. Ласковый разговор и слезы заключились скандалом, каких еще не имел в доме Дронин. На этот раз ушел он из дома к товарищу. Пили водку. Товарищ говорил:

— А я бы в партию не пошел. Я стою на экономической точке зрения.

— Какая же это точка?

— А взнос, — значительно ответил товарищ,—в союз взнос, в партию взнос. Накладно. Себе дороже.

— Пропьешь больше.

— Пропью для своего удовольствия. А так, бесплатно — ничего. Хоть сейчас.

Он в самом деле ничего не имел против партии, и даже больше того—ценил в коммунистах их дисциплину, сам не плохо раз-

Фото-этюд С. Фридлянда.

бирался в вопросах партии, но у него была своя точка зрения — экономическая. Этот же товарищ, между прочим, рассказал на заводе, что Дронин вздумал вступать в партию. Об этом с ним почти никто не говорил. Спросят безучастно:

— Записываешься?

— Да нет.

— Брось. Записываешься.

— Не знаю.

Впрочем, Егор Иванович, умный и язвительный старик, говорил с Дрониным в кругу слесарей.

— ...Наше дело, брат, следком, следком... понял? Не рысью, а трусцой, следком. Они, коммунисты, взялись, и вези воз, а мы можем пособить... почему? Пожалуйста. Колесо сломалось? Давайте, починим. А вот как конями править — мы не кучера. Понял? Не знаем. А знайка по дорожке бежит, незнайка на печке лежит. Пословицу слыхал? Ну, вот.

Слесаря молчали. Молчал и Дронин. Он думал, что Иваныч его станет высмеивать и задевать и приготовился уже повздорить со стариком, но этого не случилось. Старик глядел строго перед собой, говорил серьезно. Он долго говорил в том же духе, что рабочему не следует „вылезать наперед", что „дело его маленькое", отработал, получил свое и—„кум-королю", лишь бы совесть была чиста, и т. д.

Дронин почему-то начал уверять всех, что он и не думал вступать в партию, что это сплетня... Один из слесарей поглядел ему в глаза, усмехнулся и ушел. Дронин замолк и потом выругался.

— Какого чорта кому надо! Каждый живет сам по себе!

— Ничего не могу сказать,—веско ответил Иванович уходя,—твое дело... твое.

Жена перестала ссориться с Дрониным. Очевидно, устала, или еще потому, что ей самой пришлось рассориться со своим братом, под влиянием которого она находилась. А рассорилась с ним она из-за мужа. Однажды брат ее пришел к Дронину в гости с водкой. Подвыпив, сразу начал бранить Дронина за то, что „идет в коммунисты", и за то, что не хочет открыть своей мастерской для починки примусов.

Он куражался, хамил, говорил, что никакую власть на царя не променяет и договорился до того, что Дронин его выгнал. После этого в доме стало спокойней. Жена только время от времени спрашивала Дронина:

— Вступил?

— Нет!—отвечал он.

Она усмехалась.

— Чего ж ты... боишься?

У станков, когда они свистят, поют и стонут, Дронин испытывал чувство хорошего успокоения. Он думал... И еще больше думал—напряженней, глубже, но тревожней—в горячие дни борьбы с оппозицией.

— Много передумал, — сказал мне Дронин, заканчивая свои воспоминания. — И твердо стал на одну точку. Вот и все... И нечего больше говорить.

— Но когда же вы вступили в партию? — спросил я.

— Сейчас же... Вот на собрании...

— Нет... когда решил?

— Ааа...—он задумался.

Подумавши, рассказал вот что.

Однажды в обеденный перерыв к нему подошел тот самый слесарь, что во время его оправданий перед Егором Ивановичем усмехнулся и отвернулся от него. Облокотившись на станок, он молча курил.

— Это „Правда" у тебя? — спросил он у Дронина.

— Да.

— Читал?

— Читал.

— Ну, что?

— Нехорошо.

Поглядели друг на друга.

— Василий, — сказал слесарь Дронину, — помочь надо, а? Как ты думаешь?

Дронин ответил:

— Надо помочь.

— Я уже подал заявление.

— И я подам.

— Когда?

— Сейчас.

Дронин глянул на часы. До гудка оставалось семь минут. Улыбнувшись товарищу, он пошел к выходу, вернулся, дернул слесаря за плечо, сказал грубовато:

— Дай пять!

И ушел в ячейку.

Вот *как* один из десятков тысяч рабочих, этот московский металлист, пришел в партию помогать, равнять ряды ее...

НИК. ПОГОДИН.

СОВЕТСКАЯ СТРАНА ДОЛЖНА ЗНАТЬ СВОИХ УЧЕНЫХ!

АВТОБИОГРАФИЯ ДИРЕКТОРА ПУЛКОВСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ ПРОФ. А. А. ИВАНОВА

Родился я 4 апреля 1867 года в С. Петербурге в небогатой семье. Хотя запросы умственного и духовного характера у моих родителей не стояли на первом месте, тем не менее моя мать поставила своей целью дать своим сыновьям возможно лучшее образование и вывести их, что называется, в люди. Учение мне все время давалось очень легко, и курс гимназии я окончил в 1885 году с золотой медалью.

По окончании гимназического курса я поступил на математическое отделение физико-математического факультета С.-Петербургского университета. К концу третьего курса я уже твердо решил попытаться сделаться астрономом. Университет я окончил, и притом с полным успехом. По всем предметам мне была дана высшая оценка, и я был удостоен диплома первой степени, при чем дипломную работу представил на тему „Вычисление возмущений кометы по способу деления орбиты на части". Окончив университет в 1889 году, я тотчас же был оставлен при университете для подготовления к профессорской деятельности по кафедре астрономии и геодезии. В 1890 году директором Пулковской обсерватории Ф. А. Бредихиным я был приглашен сверхштатным астрономом в эту обсерваторию, где уже через полгода мне были поручены ответственные наблюдения на большом вертикальном круге. Одновременно я подготовлялся к магистерским экзаменам и стал изучать теорию вращательного движения земли, наметив из этой области взять себе темы как для магистерской, так и для докторской диссертаций. Магистерские экзамены я сдал в начале 1892 года. Продолжая заниматься теорией вращательного движения земли, я интересовался и другими вопросами астрономии, и первая моя печатная работа, появившаяся в свет в 1893 г. в изданиях Академии Наук на русском и французском языках, носила заглавие „О движении светил небесных в сопротивляющейся среде, которая равномерно вращается вокруг солнца".

А. А. Иванов гимназистом 7-го класса.

Тем временем я ревностно продолжал наблюдения на Пулковском вертикальном круге, всесторонне изучая вместе с тем как теорию, так и практику этого инструмента.

В это время выступил на сцену вопрос об изменениях астрономических широт, и появились исследования М. О. Нюрена относительно изменения широты Пулковской обсерватории по новейшим наблюдениям, произведенным на вертикальном круге. Это дало мне толчок заняться обработкой старых наблюдений, произведенных на том же инструменте в 1842—49 и в 1863—75 годах, с целью постараться вывести из них изменения широты Пулковской обсерватории за указанные периоды. Это мне удалось. Эти исследования вошли, как полученный мною самостоятельный результат, в мою магистерскую диссертацию под заглавием „О перемещении полюсов оси вращения по поверхности земного сфероида", которую я защитил в С.-Петербургском университете в марте 1895 года. После защиты магистерской диссертации я был допущен к чтению лекций в своем родном университете в качестве приват-доцента.

Но и после этого я продолжал заниматься теорией вращательного движения земли, подготовляя материалы как теоретического, так и практического характера для своей докторской диссертации. Докторскую диссертацию, носящую заглавие „Теория процессии", я защитил опять в своем родном университете в 1899 году.

Работу на Пулковской обсерватории я продолжал до конца 1901 года.

Но в Пулкове, кроме практической деятельности, можно было посвящать свои силы и теоретическим работам. Это уже видно из того, что обе свои диссертации, магистерскую и докторскую, я написал в Пулкове. В Пулкове же я занимался вычислением возмущений и эфемериды кометы Энке, там же я начал свои исследования движения малой планеты Герды, которыми занимаюсь и в настоящее время; наконец, я составил таблицы, облегчающие вычисление возмущений малых планет определенного типа по теории, развитой О. Л. Баклундом, внеся в эту теорию некоторые дополнения.

Имея склонность к педагогической работе и желая теснее связаться с университетом, я с начала 1902 года переехал в Петербург, так как в это время получил предложение занять место старшего инспектора в Главной палате мер и весов. Здесь мне приходилось иметь дело с таким великим человеком, как Д. И. Менделеев, который тогда стоял во главе палаты и который лично интересовался порученными мне для разработки вопросами.

В 1908 году, с уходом из университета профессора А. М. Жданова, я был избран на должность экстраординарного профессора, а в 1912—на должность ординарного. Из моей университетской деятельности особенно достойны упоминания мои летние занятия со студентами по геодезии и по астрономическим определениям.

Не могу не упомянуть здесь об одном случае, когда промах одного студента при наблюдении во время таких летних занятий дал мне толчок к написанию научной работы. По заданиям, данным студенту, он должен был наблюдать прохождение звезды через вертикальные нити инструмента, а он по ошибке пронаблюдал прохождение ее через горизонтальные нити. Результата он не получил, но когда я разбирал эту его ошибку, у меня блеснула новая мысль, и я стал систематически производить наблюдения на университетской астрономической обсерватории, разработав определенную программу, следствием чего появилась моя работа с изложением нового способа „определения широты из наблюдений близких к зениту звезд в первом вертикале при помощи универсального инструмента".

Александр Александрович Иванов в 1927 г. Фот. А. Бродского.

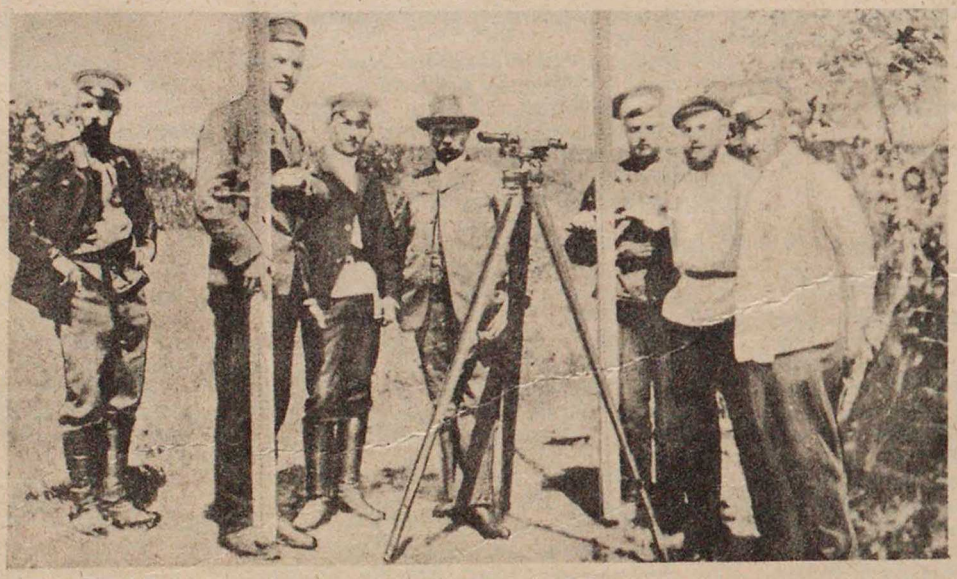
Думается мне, что из моей университетской деятельности следует отметить также то, что я положил начало „Трудам университетской астрономической обсерватории".

Весной 1919 года, когда я нес чрезвычайно трудные по тому времени обязанности ректора университета, делегация от Совета астрономов Пулковской обсерватории явилась ко мне с предложением выставить свою кандидатуру на должность директора этой обсерватории. Вполне ясно, что для астронома выше этой чести ничего не может быть. Посоветовавшись с авторитетными лицами, я дал свое согласие, и вот с тех пор и до настоящего момента я состою директором этой первой в нашем Союзе и одной из первых во всем мире астрономической обсерватории. За восемь лет пребывания на должности директора Пулковской обсерватории, я, повидимому, успел заслужить доверие со стороны своих товарищей по обсерватории. Такое доверие сильно подбодряет, и я мог всецело, по своему разумению, отдавать свои силы на устроение дел обсерватории и на расширение ее деятельности.

За все время моей научной деятельности мною опубликовано около 250 научных работ, книг, популярных статей и брошюр.

За свои научные заслуги и организационную работу на развитие астрономии я в 1925 году был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР.

Проф. А. Иванов.



Профессор А. А. Иванов со студентами на летних занятиях в 1903 году.

Милитаризация литературы в Польше. На последнем военном параде в Варшаве, в годовщину провозглашения независимости Польши, известный писатель Вацлав Серошевский фигурировал в уланском мундире, хотя он и не состоит на военной службе.

На снимке: улан-„доброволец" Вацлав Серошевский.

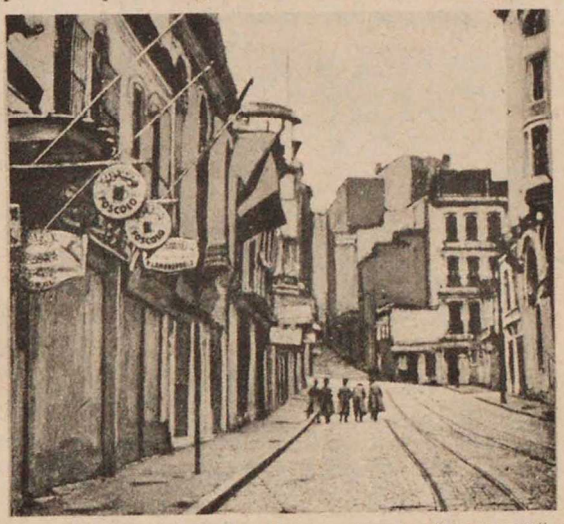
Братиану умер. Стойкий защитник интересов румынской буржуазии, Братиану, скончался на-днях в Бухаресте. Он за свою 63-летнюю жизнь неоднократно занимал министерские посты и четыре раза был главой румынского правительства. Братиану считался лидером либеральной партии, едва ли не самой старой в Румынии по своему возникновению.

Оппозиционная газета „Аврора" называла Братиану „неоронованным королем Румынии". Действительно, Братиану отличался твердым характером и деспотической решимостью всеми мерами расправляться со своими врагами.

Австро-германские отношения. Урезанной со всех сторон своей территории Австрийской республике живется очень тяжело в экономическом отношении. Неудивительно, поэтому, что Австрия тяготеет к более богатой соседке—Германии. Недавно глава австрийского правительства Зейпель посетил Берлин, где вел переговоры с членами германского правительства.

На снимке: имперский канцлер Германии — Маркс—в Вене, куда он прибыл с ответным визитом монсиньору Зейпелю.

Перепись в Константинополе. Несмотря на ряд реформ, проведенных Мустафой Кемаль-паша, турецкое население еще не отрешилось от многих старых обычаев и предрассудков. Так, например, в Турции до сих пор с большим трудом удается провести перепись. Недавно в Константинополе во время всенародной переписи были приняты „чрезвычайные меры", и город был об'явлен на осадном положении. До окончания переписи никто из жителей не имел права выходить из домов, окончание же было возвещено пушечными выстрелами.

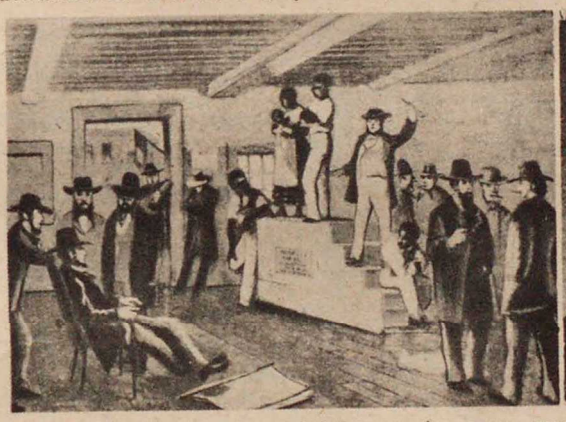


На снимке: пустынная улица Константинополя во время переписи. На улице группа переписчиков, переходящих из дома в дом.

Маскарад венгерских фашистов. Как известно, мировой фашизм очень любит драпироваться в мантию средневековья, столь близкой ему по деспотизму поры. Американские ку-клукс-клановцы носят сутаны и маски испанской инквизиции. Идя по их стопам, венгерский диктатор адмирал Хорти и высшие чины буржуазной власти страны наряжаются в костюмы рыцарей ордена святого Иоанна Иерусалимского. Этот орден возник в XI веке на почве религиозного фанатизма венгерской знати.

На снимке: адмирал Хорти и его приближенные в пышных костюмах рыцарей средневекового ордена.

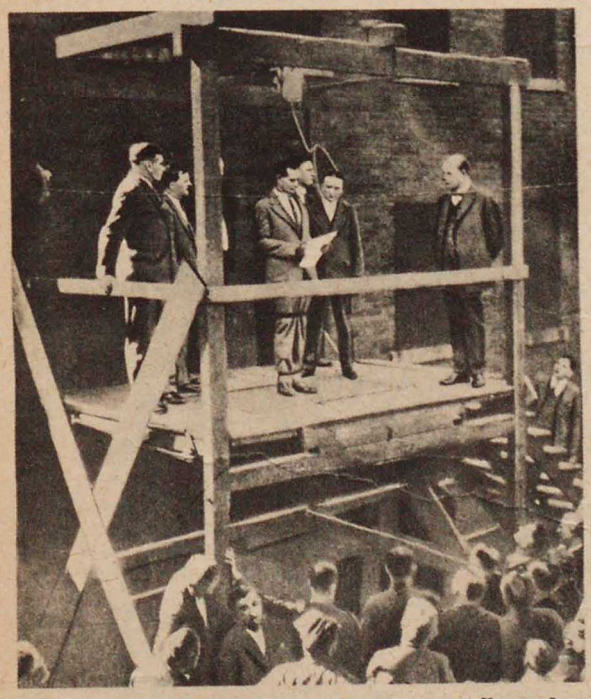
75-летие „Хижины дяди Тома". Исполнилось 75 лет с тех пор, как Гарриетт Бичер-Стоу написала свою бессмертную книгу—„Хижина дяди Тома". В 1852 году вышло первое издание этого правдивого романа, ярко изобразившего ужасы торговли черными рабами. Бичер-Стоу посвятила всю свою жизнь делу освобождения негров. Но и теперь, почти через 100 лет со дня написания этой книги, американская буржуазия относится пренебрежительно к „цветным", считая их людьми „низшей расы".



В ближайшее время в Библиотеке „Огонек" будет выпущена „Хижина дяди Тома".

На снимках: слева — сцена из романа Бичер-Стоу: продажа с молотка черных невольников; справа—Гарриетт Бичер-Стоу, автор „Хижины дяди Тома".

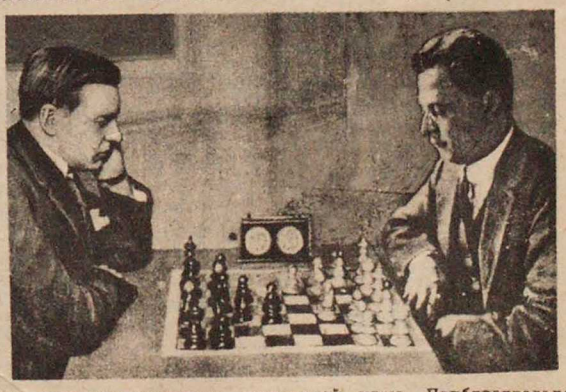
Электрический стул только для привилегированных. Оказывается, что Сакко и Ванцетти удостоились высокой чести попасть на электрический стул. „Преступников попроще"—убийц и грабителей—награждают попросту виселицей.



На снимке, сделанном в американском штате Иллинойс, в г. Мерьоне, изображена казнь члена разбойничьей банды Радо Миллиха. Преступник при попытке к бегству из тюрьмы убил тюремного надзирателя и за это был приговорен к повешению. Согласно обычаю, осужденный на повешение за момент до казни имеет право прочесть свое „обращение к миру", в котором он может оправдываться, как хочет. Разумеется, американское правосудие очень мало считается с такими „обращениями".

Сборник **„10 лет Советского строительства"**, вышедший в издательстве „Огонек", подводит итоги достижений во всех областях советского строительства и культуры за 10 лет. Сборник содержит в себе статьи и обзоры видных общественных деятелей. Сборник является ценным пособием для агитаторов, докладчиков и советских работников. Книга необходима в рабочих библиотеках.

Борьба за первенство в шахматах. В Буэнос-Айресе (Аргентина) уже несколько недель продолжается турнир между шахматистами—Капабланкой и Алехиным. Борьба идет за звание мирового чемпиона шахматной игры. Приблизительно равные силы противников бесконечно затягивают этот турнир, за которым следит весь мир.



На снимке: Капабланка (справа) и Алехин за игрой.

Поправка. В № 46 „Огонька" в заметку „Нашел подходящую невесту" вкралась неточность. Король болгарский Борис женится на дочери итальянского короля Виктора Эммануила и сестре наследного принца Гумберто.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ художественных произведений Льва ТОЛСТОГО дает своим подписчикам в 1928 г. „ОГОНЕК"

НЕВЕРОЯТНО, НО...

Фельетон *Евг. Петрова.* Иллюстрации *Вл. Козлинского.*

Представьте себе большой котел, в котором закипает вода. Двое неких граждан собираются варить кашу. Приготовлены

... Больше всех негодовал старый и в достаточной мере бесквартирный Еврипидов...

пшено и соль. Все ясно: нужно всыпать столько-то пшена, столько-то соли — и каша готова. Но не тут-то было. Один из двух кашеваров по своему характеру является именно тем человеком, с которым каши не сваришь. Он долго торгуется по поводу количества соли и пшена, упоминает о варке каши в древней Греции; заглядывает в котел; окунает палец в воду; находит у своего сотоварища по варке уйму нехороших качеств; потом нечаянно переворачивает котел, раздраженно плюет в пшено и, обозвав своего коллегу нехорошим словом, гордо и торжественно удаляется.

* * *

В коридоре учреждения появился интригующий плакат:

> Желающие вступить в жилкоп
> „УЮТ ТРУДЯЩЕГОСЯ",
> каковой коп с весны будущего года приступает к строительству, пусть соберутся в 4 час. в комнате № 85 на общее собрание пайщиков. Паевой взнос—100 руб. с рассрочкой на год. Вступительный—5 р.
>
> Инициативная двойка.
> тов. Хведоров.

Сотрудники собрались вокруг об'явления и цинично похихикивали.

Товарищ Хведоров стоял позади всех потный и взволнованный.

— Какой же тут может быть смех, граждане?—лепетал он застенчиво,—дело реальное. Планомерными взносами мы увеличим наши накопления, и тогда, практически, банк даст нам ссуду, которая...

— Знаем, слышали!—злорадствовали сотрудники,—дашь им по сотняге, а потом жди два года...

— А вам сегодня подавай?—кричал Хведоров хватающим за душу голосом.

— Знаем вас! Слышали!

— Сегодня вам подавай?

— Сегодня.

— Что ж, из кармана вам вынуть?

— Знаем, слышали...

— Больше всех негодовал старый и в достаточной мере бесквартирный Еврипидов.

— Подумаешь! — вопил он. — Строители новой жизни! За квартиру, видите ли, из трех паршивеньких комнат с газом, ванной и удобствами хотят сто рублей. Да ведь это грабеж среди бела дня... Понимаете?—Сто... Да и то через два года.

— Стыдитесь,—хрипел Хведоров,—у застройщика такая квартира—шесть тысяч... А у нас практически...

Но бурное негодование сотрудников подавить было невозможно.

— Дураков нет!—решили они единодушно.

И разошлись, „как в море корабли".

Хведоров сорвал об'явление, исполнил на нем эксцентрический танец, злобно, но осторожно плюнул в урну и скрипнул зубами.

„Я вам покажу, тупоголовые ослы!"—думал Хведоров ночью, ворочаясь в своей постели.—„Я вас разыграю. Попрыгаете у меня! Поволнуетесь малость!.."

К утру план мести был готов. Хведоров, жестоко улыбаясь, повесил в коридоре новое об'явление.

> Каждый сотрудник может
> НЕМЕДЛЕННО
> получить квартиру. Распределение полезной площади будет производиться сегодня в 4 ч. дня в комнате № 85.
>
> Инициативная двойка.
> тов. Хведоров.

Сотрудники лениво собрались в комнате № 85 и сели, презрительно глядя на маленького, щуплого Хведорова.

... Сотрудники собирались вокруг об'явления и цинично похихикивали...

— Ну, что еще там? — устало спросил старый бесквартирный Еврипидов, поправляя пенсне. — Какие еще там квартиры?

— Квартиры очень хорошие, — ответил Хведоров, предвкушая сладость справедливой мести.

— А денег сколько?

Хведоров с гадливостью посмотрел на противное личико Еврипидова и отчетливо произнес:

— Рубль семьдесят пять копеек. Это—паевой взнос. Уплативший его немедленно, сегодня же переезжает в новую квартиру.

Наступила такая прозрачная тишина, что стало слышно, как в далекой комнате работает машинка. Сердце Хведорова восторженно колотилось.

— А дом-то где?—закричали сотрудники пестройным хором.

— Дом?.. — Хведоров нервно зевнул. — Дом на Красной площади, напротив Спасской башни.

Хведоров ожидал взрыва, но взрыва не последовало.

— Так-с,—сказал Еврипидов,—от службы, правда, не особенно далеко, но-о... не будет ли шумно? Впрочем, ладно... Хотя район и не важнецкий, но допустим. А вот, не скажете ли вы нам, уважаемый товарищ, сколько в каждой квартире комнат?

Еврипидов с торжеством посмотрел на сослуживцев.

— Восемь комнат, — бухнул Хведоров, закрывая глаза.

— А сам?..—закричали сотрудники радостно,—а сам, небось, квартирку в четырнадцать комнат получит...

— Это дело известное, — сухо сказал Еврипидов, — но не в этом суть...—Сколько уборных?

— Сколько угодно.

— Кубатура?

— Шестьдесят саженей полезной площади в каждой квартире.

— Так-с. И сегодня можно переехать?

— Сегодня.

А перевозка вещей на казенный счет?

Хведоров на секунду опешил, но сейчас же справился.

„Посмотрим голубчики, — подумал он злорадно,—что вы запоете, когда я сообщу, что никаких квартир нет, и пристыжу вас..."

И ответил:

— На казенный.

— А деньги когда?

— Сегодня.

— Рубль семьдесят пять?

— Рубль семьдесят пять.

— А помесячно потом сколько платить?

— Можно ничего не платить.

Воцарилось жуткое молчание.

Потом сияющая тишина была нарушена скрипучим голосом Еврипидова:

— Ну, вы как там хотите, а я не согласен. Мне дорого. Дорого, господа, дорого, дорого... Да и рассрочки нет... И райончик неважный... До свиданья...

— Дорого! — закричали сотрудники.—Нам дорого! И райончик неважный!..

И поспешно разбежались.

* * *

Люди, с которыми не сваришь каши, ужасны: они злы, глупы и жадны. Самомнение их раздуто, как готовый к отлету аэростат. Они любят самих себя нежной, страстной любовью. И очень удивляются, когда узнают, что окружающие терпеть их немогут.

Евг. Петров.

...Хведоров сорвал об'явление, исполнил на нем эксцентрический танец...

СЛЕПЫЕ

Очерк *Мариэтты Шагинян.*

Самый страшный рассказ о землетрясении я услышала в прошлом году, и самое страшное в этом рассказе было вовсе не землетрясение.

Ранним серым утром, по мерзлой и сухой земле, под небом, исчерканным сизыми перьями облаков (так бывает перед снегом!) я подъехала к длинным и мрачным казармам. Навстречу,—как всюду в Армении,—веяло горькой жизнью кочевья: дымком от очага, густым запахом, нечистотой, пылью, залитой отбросами. Даже в городах стоят эти запахи, потому что лишь долгая оседлая культура учит людей убирать свой перегар под землю и под крышу, а кочевник уносит его, подобно зверю, подальше от жилья, на вольный воздух. Дикие, безлесные горы на горизонте осеняли этот кусочек пейзажа, точно взятый со старинной гравюры. Горы были турецкие, а казармы в двух верстах от Ленинакана—полны детей, подобранных на больших дорогах, без роду, без племени, с клеймом пережитого ужаса (памятью резни, пожара, побоев, голода): заиканьем, нервным тиком, падучей, судорогами, чесоткой, глухотой, слепотой, сифилисом, туберкулезом. До сих пор дети находились в ведении американского комитета и лишь теперь переходили к Соцвосу Армении.

Через низкую дверь, как бы дыру в массивном камне, вышла, нагибая голову, высокая седеющая женщина с мужественным лицом. Я слышала о ней, прежде чем ее увидеть. И по рассказам именно такой и представляла себе: суховатой, крепкой, сильной, в полуседых кудрях, обрамляющих темное от загара и ветра лицо. Это она попала в американские газеты, когда десять лет назад спасла несколько сот детей. Турки подходили тогда к Джалал-Оглы (нынешнему Степанавану), где у нее на руках было 650 сирот, и среди них много девочек до 15 лет — возраст женщины в этих краях. Надо было спасти их от нового потрясения, потому что каждый из этих ребят уже имел в прошлом „психическую травму". Не раздумывая долго и даже не вернувшись назад в дом, чтобы захватить вещи, Рипсимэ Хачатрянц (так зовут ее) тотчас же повела своих 650 сирот в горы. По бездорожью, под ветром, дождем, бурями, в легких платьях, босые, без пищи, они шли через горы и леса несколько десятков верст, а по дороге она подбодряла отстающих, несла самых маленьких, гнала старших. В деревнях этот полководец невиданной армии вел себя как фуражир, добывая и стряпая пищу. Ели пшеницу, коренья, листья, в дороге заболевали. Несколько детей умерло. Тогда она рыла руками землю и умирающих хоронила. А спустя немного времени тифлисцы с изумлением увидели на своих улицах бледные призраки детей, истощенных и одичалых, и обожженную солнцем женщину, которая их вела, подобно пастуху, спасшему доверенное ему стадо.

Так вот, этот мужественный полководец вышел из казарм нам навстречу. Мы поздоровались. Лицо ее было пасмурно и озадачено; в эти дни перехода от американцев к советскому учреждению дети страдали „неудобствами переходного времени", и больше детей страдала, разумеется, она: налаженная жизнь разладилась. Продукты поступали с перебоями. Часть детей еще получала от американцев сытную пищу и хорошую одежду; другая часть не имела ничего, и нищий Соцвос Армении не мог, сколько ни бился, тягаться с американским беспошлинным какао и жиром. Разделенные экономическим неравенством, дети бунтовали. И все же сюда просачивалась похожая на морской ветер, особая советская свежесть — та заразительная общественность, что охватывает сразу эпидемией наших детей и молодежь. Невиданная для сирот деятельность доносилась к ним с новым ветром, и уже формы этой деятельности—стенгазета, пионерские организации, выборность, интерес к жизни взрослых и к политике, забредавший сюда из города комсомол,—все это бодрило, подстегивало, пускало ростки, победоносно боролось с голодом и обнищанием, начинало вытеснять американские блага.

— Мы еще только начинаем, нехватает ни средств, ни людей,—со вздохом сказала

Оркестр слепых.

Рипсимэ; наладить правильное советское воспитание — дело нелегкое, и для этого нам самим, руководителям, надо бы с'ездить в центр и подучиться. А сейчас—поглядите—жалость берет!

И она повела нас в одну из казарм, откуда доносились отчаянные и совершенно ни с чем несравнимые звуки.

Большая и темноватая казарма была полна. Посреди нее, в железной буржуйке, мирно трещал хворост. Но треск заглушался визгом странных, человечески-жутких скрипок. Дрянное разбитое пианино, расстроенное до последнего предела, вперегонку со скрипками хрипело, стучало, дергалось, распадалось под пальцами мальчугана, глядевшего не на пальцы, не на ноты, не вверх, не прямо, а куда-то мимо. И мимо глядели глаза десятков неистовых музыкантов, что есть силы водивших смычками по струнам. Это был оркестр слепых.

Когда в комнате стало темнеть, они продолжали играть, и заведующая сняла тихонько мои пальцы с кнопки, которую я хотела повернуть, чтобы пустить свет. Напряженные лица, стиснутые в мучительную гримасу, в нем не нуждались. На лбу музыкантов были вздуты морщинки, словно от усилия мысли. Бедные, невидящие, очень выпуклые, выцветшие, старые на совершенно юных лицах глаза окружили меня и точно повисли в воздухе,—вся темнота была насыщена этими мертвыми источниками света, и каждый из них был укором и мукой для тех, кто имел здоровые глаза. Даже колоть начало под веками, и незаметно, от напряжения, еще не ставшего состраданием, у меня и у моих спутников потекли по щекам слезы. Нечаянно я дотронулась до кулачка самого маленького музыканта. Детские пальцы встрепенулись, разжались и в поисках сочувствия прошли по моей ладони,—они были холодны, как лед, мокры, тяжелы. Убыль какого-нибудь органа всегда отражается у человека на руках: она делает их мучительно-вялыми, холодными, влажными. И особенно сильно это у слепых.

Час, два часа—слепые играли без отдыху, без перерыва, со странным под'емом, похожим на истерику. Репертуар был дик: от фокстрота до „Интернационала". Я спросила, когда же конец. Заведующая покачала головой.

Оказывается, конца... не было. Случалось, слепые играли по целым дням, и по целым дням эти звуки неслись из разбитых окон казарм. Круг занятий слепых ограничен. День долог. Еще дольше месяц. Еще дольше год. Мастерская для деланья щеток (но перепроизводство щеток! Их наделали такое огромное количество, что все шкафы полны), школьная комната с книгами для слепых,—это здесь есть. Но нет учителей, точнее—их мало и нехватает. Даже для учителя музыки, получавшего в месяц тридцать рублей, средств нехватило, и его сократили. И вот эти несколько десятков детей и юношей, заключенные в двойную темноту — темноту незрячести и темноту ничегонеделания, — поев, попив, одевшись, берутся за дикие смычки и плачут хриплыми голосами скрипок, как скулит зверь, — часами, днями, неделями. Это называется — убивать изо дня в день данную тебе неизвестно для чего жизнь.

— Когда случилось землетрясение, — рассказала заведующая, — тяжелая была сцена. Слепые заметались. Они не могли найти ни окон, ни дверей. Служители хватали их, чтоб вывести, но они отбивались и лезли друг на друга. Чуть не погибли от давки.

Больше она ничего не сказала, но мы представили себе эту сцену. И музыка слепых вдруг показалась нам дикой давкой, в которой их души теснили друг-друга, чтобы вырваться из темноты.

Мы устроили для слепых митинг. Вспомнили тощие обрывки сведений о том, что в Москве слепые—члены Совета, участвуют в городском управлении, говорят на собраниях. Рассказали о советском строе, о советской школе. Говоря, заметили грозное оживление в напряженных лицах. Гримасы стали требовательны. Слепые захотели, чтоб и здесь было, как в Москве. Их волнение перебросилось ораторам, митинг стал необыкновенно горячим. Сострадание исчезло. Вместо него, в сердце зашевелился восторг, какой переживаешь только в массе и от близости с массой. Внезапно устроители митинга переглянулись. Мы поняли, что сострадание наше было—от великого одиночества слепых, от безнадежной их и нашей отрезанности друг от друга, и что восторг родился от слияния с ними, от рождения единой социальной стихии, от того, что одиночки сделались обществом, — хоть на минуту или секунду.

Вот в чем величайшая сила советского переворота: подобно тому, как магнит создает магнитное поле, советский строй создает общественное поле, огромную намагниченную среду, в пределах которой отдельный человек соединяется с себе подобным, создает общество, начинает испытывать могучее действие новых социальных инстинктов, и это привязывает его к жизни победительней, чем все американские жиры и какао.

Мариэтта Шагинян.

СВЕТ И ТЕНИ

Доктор Воронов предвидит поколение „сверхчеловека“. На с'езде европейских зоологов в Будапеште вызвало сенсацию появление доктора Сергея Воронова. Знаменитый врач-экспериментатор начал с указания, что количество шерсти от овцы, которой были пересажены гланды, значительно увеличивается.

— Та мать, которая первая допустит меня —заявил затем Воронов, — произвести над ее ребенком опыт пересадки желез, положит начало новой и могучей человеческой расе.

— Дайте мне ребенка с задатками гениальных способностей,—сказал Воронов,—и я в итоге своих экспериментов покажу миру новое поколение „сверхчеловека“.

Воронов указал, что путем омоложения не только возможно дать миру выдающихся людей, но и поддержать их на пороге преклонных лет.

■

501-я жена экс-султана турецкого. Турецкий султан Махмед VI, живущий в изгнании в Женеве, недавно женился на 22-летней француженке Жюльетте Лепон, дочери купца. Некогда, во дни власти, турецкий султан имел гарем с 500 женами. Теперь времена переменились, и у „бедного“ Махмеда VI только одна *единственная* жена.

На снимке: новобрачный Махмед VI.

■

Юмористические рассказы Б. Левина, вышедшие в Библиотеке „Огонек“ и рассылаемые с этим номером журнала, отличаются жизненностью тем и легким, неназойливым

остроумием. Перед читателем проходят в их быту люди с мелкими страстишками и всеми их недостатками, вызывающими веселый и незлобивый смех.

■

Братья-писатели. Известные немецкие писатели Генрих и Томас Манн, жившие долго в Мюнхене, переселились в Берлин. Немецкие журналы помещают интересный снимок обоих братьев. Старший, Генрих Манн, популярен своими

романами: „Бедняки“, „Профессор Унрат“, „Подданный“ и др., младший брат—Томас—дебютировал в 900-х годах рядом мелких мастерски написанных новелл, а в 1901 г. выпустил свое основное произведение — роман „Будденброки“.

■

Расплата миллиардеров. Американский многомиллионщик Август Гекшер был помолвлен с певицей Фридой Гемпель. Однако, по непонятному ка-

призу, Гекшер в последний момент отказался от брака и по постановлению суда должен был заплатить своей невесте полмиллиона рублей (на наши деньги) отступного.

■

„Морской ветер“ — название книжки И. Соколова-Микитова, вышедшей в Библиотеке „Ого-

нек“. Даровитый писатель очень красочно описывает рейс советского парохода в восточных водах, изображая эпизод столкновения двух угнетенных пролетариев с колониальными господами. Второй рассказ „Пыль“, из советской действительности, также увлекательно рисует нашу деревню, освободившуюся от барской опеки и живущую своей, пока еще темной и буйной, но уже свободной жизнью.

Книжка И. Соколова-Микитова рассылается с этим номером „Огонька“.

■

Лауретка нобелевской премии. Как известно, в этом году нобелевскую премию получила итальянская писательница Грация Деледда. Она роди-

лась на о. Сардинии в 1873 г. Главным ее произведением считается роман „Пепел“ (1903 г.). На снимке: лауретка нобелевской премии—Грация Деледда.

■

Частушки — самый распространенный и едва ли не самый характерный род *устного* народного творчества, так называемого фольклора.

В очередной книжке Библиотека „Огонек“ предлагает чи-

тателям образцы деревенских частушек—песенные прибаутки, составленные Н. Захаровым-Менским по записям 35 селькоров газеты „Беднота“, собиравших эти прибаутки в 23 губерниях.

■

Имя **Гомера** открывает собой историю всех европейских литератур, а гомеровская поэма **„Одиссея“**, наравне с „Илиадой“, остается до сих пор одним из величайших эпических произведений.

„Одиссея“ была написана около трех тысяч лет назад, но переведена и продолжает вновь переводиться на все европейские языки (на русский язык впервые ее перевел поэт В. А. Жуковский).

Пятидесятилетие телеграфа Бодо. Пятьдесят лет назад во Франции, между Парижем и Бордо, были установлены новые телеграфные аппараты, изобретенные французским телеграфи-

стом Жаном Бодо. Его система привела к значительному упрощению техники передачи и приема телеграмм. С изобретением аппарата Бодо явилась возможность одновременно по одному и тому же проводу передавать от 2—6 телеграмм, отправленных в любом направлении. Это дает огромную экономию в смысле проведения телеграфных линий.

Изобретатель, как это часто бывает, умер в бедности. Его система была с некоторыми видоизменениями использована различными фирмами. Однако, Бодо не получил от них ничего за свое изобретение.

На снимке: первый „пятикратный“ (работающий в пяти направлениях) телеграфный аппарат Бодо, пущенный в ход в 1877 году на линии Париж—Бордо. Направо стоит—Бодо.

Библиотека „Огонек“ в очередной книжке дает читателям центральную часть поэмы—

„Возвращение Одиссея“,—полную интересных описательных и психологических моментов, которая выходит в новом, освеженном переводе Ал. Дейча.

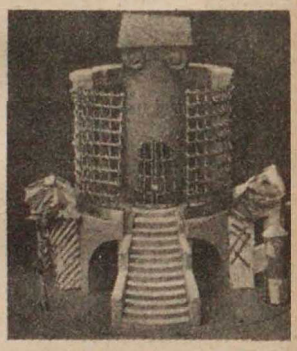
■

Станислав Пшибышевский. В Польше скончался известный писатель и драматург Станислав Пшибышевский. Он родился в 1868 г. и заслужил

большую популярность своими психологическими драмами и романами. Творчество Станислава Пшибышевского, модернистски изломанное, отражало безнадежную тоску упадочных настроений буржуазии конца прошлого века, отличалось крайним индивидуализмом и было исполнено мистических элементов.

■

Госет БССР — десятилетию Октябрьской революции. Государственный еврейский театр Белоруссии готовит большую постановку—пьесу А. Кушнирова „Гирш Леккерт“.



Пьеса основана на историческом факте—покушении сапожника-рабочего Гирша Леккерта на виленского губернатора фон-Вайля в 1902 году—и

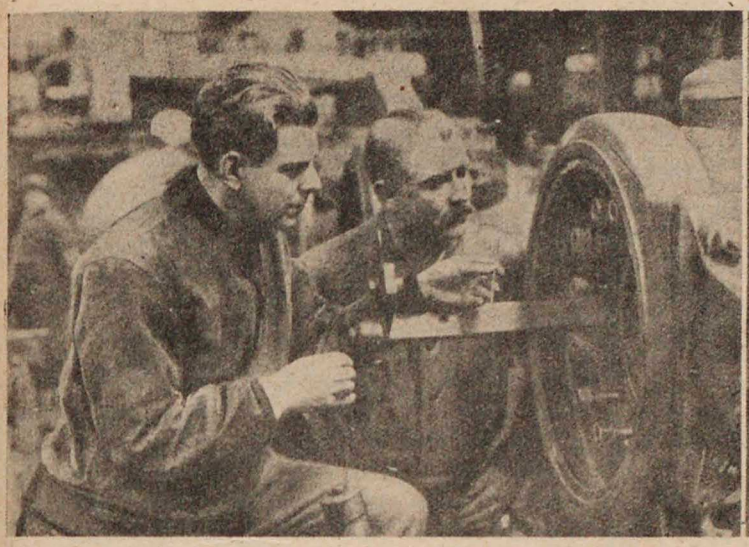
рисует обстановку, в которой зарождалось организованное рабочее движение в западной России.

Постановщик пьесы, художественный руководитель театра М. Ф. Рафальский стремится, оттолкнувшись от исторического эпизода, дать большое полотно борьбы рабочего класса против российского самодержавия.

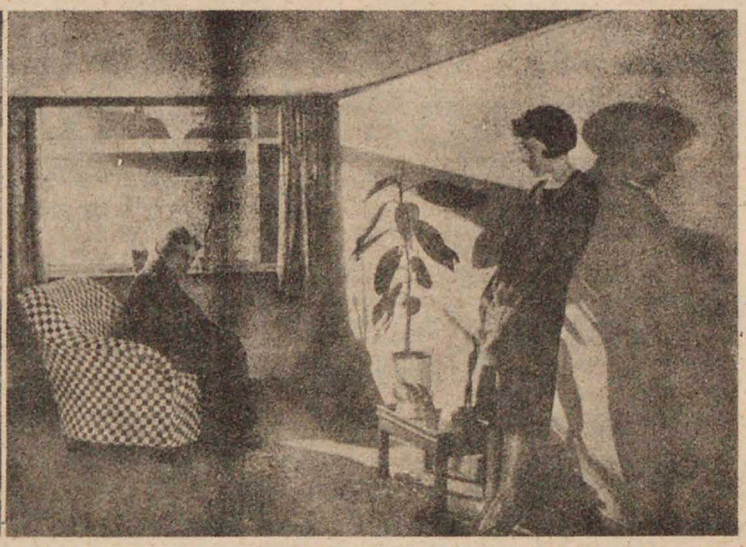
Макет постановки исполнен художником Евг. Мандельбергом.

По соглашению с Госиздатом РСФСР, журнал „ОГОНЕК“ начинает печатать отрывки из лучших беллетристических новинок, выходящих в Госиздате.

„ПИКОВАЯ ДАМА“ В НАШИ ДНИ



Инженер Герман—Вальтер Янсен, старший мастер—Ганс Аренс.



Лиза—Женни Юго, мать Германа—Грефенберг.

Кино-режиссер А. Е. Разумный, постановщик широко известных нашему зрителю картин: „Долина слез“, „Банда батьки Кныша“, „Тяжелые годы“, „Комбриг Иванов“ и др.—явился одним из первых советских работников искусств, которым пришлось работать за рубежом, в иностранной обстановке. Тов. Разумный был командирован за границу для изучения западной техники и усовершенствования в своей специальности.

Первый прием, оказанный Разумному в Германии по приезде, был более чем холоден. Немецкие кино-круги держались почти враждебно. Не без больших трудностей Разумному удалось получить доступ к работе в берлинские кино-ателье. Однако, первое же появление на работе советского режиссера вызвало к себе большое внимание и интерес. Своеобразная и необычная манера работать, уменье до конца использовать все ресурсы и силы кинофабрики, уменье привлекать к работе коллективную мысль всех, до последнего низового участника постановки,—все это было настолько ново и интересно для немцев, что заставило их предоставить Разумному особую самостоятельную постановку.

Для первой заграничной картины Разумный избрал автором Чехова. Режиссер сам написал сценарий „Лишние люди“, материалом для которого послужили сюжеты нескольких десятков маленьких рассказов Чехова. Участниками в картине явились лучшие германские кино-артисты. Вернер Краус исполнил роль городового.

Имевшая за границей громадный художественный успех, картина „Лишние люди“ является, конечно, инсценировкой и символизацией русского быта, а не прямым отображением его. Разумному, едва ли не лучше всех из наших режиссеров умеющему использовать русскую натуру и отыскивать в ней прекрасные моменты для экрана, пришлось эту самую русскую натуру воспроизводить искусственно в берлинском ателье. Естественно, это не могло не отразиться на фильме.

После фильмы „Лишние люди“ Разумный получил постановку в крупнейшем германском кино-предприятии „Фебус“. Фильма „Пиковая дама“, поставленная у „Фебуса“, заставила западную критику единодушно признать Разумного одним из первых режиссеров, работающих в настоящий момент в Берлине.

Разумный взял известный сюжет „Пиковой дамы“ Пушкина, но коренным образом переработал, спроектировав его на современность. На первый план выдвинута тема о борьбе страсти игры, сводящей человека до самых последних низин морального падения, со страстью созидательного труда, за которой—конечная победа. Действие фильмы происходит в наши дни, в большом европейском промышленном городе.

„Пиковая дама“ показала, насколько вырос Разумный как режиссер экрана, как много возможностей он таит еще в себе. В его новой картине буквально все — от общего построения и нарастания действия до каждой отдельной мельчайшей сцены, кадра, детали—все обличает в нем серьезного и тонкого художника, умеющего вдумчиво и сильно пользовать все неисчислимые возможности игры со светом, вещами и актерами. Недаром немецкая критика посвятила „Пиковой даме“ ряд статей, где подвергла тщательному анализу не только всю фильму в целом, но даже и отдельные маленькие сцены. Из ученика немецкой техники советский режиссер мгновенно превратился в предмет изучения. В ателье, где работает Разумный, можно нередко видеть немецких и иностранных режиссеров, приходящих наблюдать энергичную, напряженную работу русского гостя. Окружающих изумляет также редкая квалификация Разумного, который является в одно и то же время режиссером, сценаристом, оператором, художником и фотографом. Само собой, Разумный официально работает только как режиссер и сценарист, в постановке участвуют лучшие художественно-операторские силы, как, например, Мурнау, „крутивший“ исключительную по технике картину „Метрополис“. Но квалификация Разумного, его подлинное, а не поверхностное знание всех сторон кинопроизводства заставляет всех участников постановки чутко и охотно повиноваться ему, выполнять все мельчайшие требования, а это все, конечно, неизмеримо повышает качество работы.

В настоящее время А. Е. Разумный закончил новую, третью постановку—картину „Принц или клоун“. Это — сатирическая фильма, в обличительных тонах изображающая политическую борьбу буржуазных партий в одном из граничащих с СССР государств.

В ближайшее время А. Е. Разумный возвращается в СССР для новых кино-постановок.

В. Л.

СОВЕТСКОЕ ПИСАТЕЛЬСТВО ОБ'ЕДИНЯЕТСЯ.

В Москве состоялось первое торжественное заседание федерации советских писателей. Выступивший тов. Вайян Кутюрье в приветствии от имени французской компартии выразил надежду, что вслед за федерацией советских писателей возникнет федерация революционных писателей всего мира. На снимке—президиум заседания. Стоит—Вайян Кутюрье, слева от него—Матэ Залка, справа—А. В. Луначарский, А. М. Эфрос и А. С. Серафимович.

Фот. А. Тартаковского.

ТРОГАТЕЛЬНОЕ ЕДИНОДУШИЕ

На конференции английской печати, недавно состоявшейся в Лондоне, фотографы запечатлели группу, где в дружеской беседе об'единились—„убежденный социалист“ Бернард Шоу, председатель конференции Гиллер Беллок и закоренелый консерватор Честертон.

Редактор **МИХ. КОЛЬЦОВ**. Издатель—**АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“**. Непринятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. **РЕДАКЦИЯ** — Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12; **ГЛАВНАЯ КОНТОРА**—Москва 6, Страстной бульв., 11. Телефон 3-12-56. **Отд. Распростр.**—5-51-69. **Московская Контора**—1-28-19. **Рекламный отд.**—35-75. **Бюро иногородних об'явлений**—35-75. Адрес для **телеграмм**: Москва „Огонек“. **ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ** — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. **ТАРИФ ОБ'ЯВЛЕНИЙ**: 1 стр.—1800 р., строка нонпарели—3 руб. Сверх тарифа—10% налога. **ПОДПИСНАЯ ЦЕНА** на 1928 г.: „ОГОНЕК“ 1-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч. Л. Н. Толстого (24 книги) на 1 год — 13 р. 50 к. **РАССРОЧКА**: при подп. 4 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р., к 1 июля—3 р. „ОГОНЕК“ 2-й абон. с прил. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в нед.): 1 м.—1 р. 40 к., 3 мес.—3 р. 75 к., 6 мес.—7 р., 1 год—13 р. 50 к. „ОГОНЕК“ 3-й абон. с приложением полн. собр. худож. соч Л. Н. Толстого (по 2 кн. в мес.) и 104 книжек Библ. „Огонек“ (по 2 кн. в нед.)—1 год—22 р. **РАССРОЧКА**: при подписке—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сент. по 4 р. „ОГОНЕК“ без приложений: 1 мес.—40 к., 3 мес.—1 р. 20 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 1 год—4 р. 50 к.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА

Ожерелье из жемч. иск. франц. типа „Кепта“ массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отлич. от наст. разм., 42 сант. с сер. замк.—11 р.; 49 сант. с сер. замк.—14 р. 130 сант.—26 р. **Серьги** того же типа „Кепта“ серебр.—4 р. 65 к. с перес. и упаковк. Высылаю налож. платежом.

Ленинград, Пр. Нахимсона 15, кв. 29/6 **Л. Штейн**

ВОЛОСО ЛЕЧЕНИЕ (выпад., перх., зуд)
Д-р А. К. Соколов
Ленинград, пр. 25 Октября, 54

ИНОСТРАНЫЕ УЧЕБНИКИ
КНИГИ и ПОСОБИЯ
для изучен. иностр. языков
Выписывайте по адресу:.
Москва 19, ул. Герцена 9/1
РУССКО-ИНОСТР. КНИГА
Каталог бесплатно.

ЛЮБУЮ КНИГУ
высылает в 3-х дневный срок наложенным платежом.
Московское Акционерное Издат. Об-ство.
Москва 6, М. Дмитровка 8/в.

ЛОТО с 24 карт. в коробке. **ДОМИНО** дер. в коробке, **ШАХМАТЫ** в коробке. **ШАШКИ** в коробке. **2 доски для шаш. и шахмат. карт.** Высылает почтой немедленно все 6 предметов с упаковкой за **6** руб. При задатке **1** р. (можно марками). Механич. произв. дерев. изделий **Ш. ЛЕВИНСОН.**
Одесса, ул. К. Маркса, д. 35.

ШКОЛА-САМОУЧИТЕЛЬ ДЛЯ ИГРЫ
НА СКРИПКЕ
Нотная грамота. Наставления. Упражнения. Ноты (всего 50 музыкальных номеров).
Цена с пересылкой 3 р. 75 к.
Высылается наложен. платежом без задатка.
АДРЕС: **Москва**, ул. Герцена, 22/3.
Книжн. Дело „ПРОСВЕЩЕНИЕ“.

Проф. Г. ВАН-ЛУН.
„ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА“
В 2-х том., 500 стр. больш. форм., с многочисленными иллюстрациями. Перевод с последнего английского издания, разошедшегося в в кол. **1.000.000** экз. **Цена 2 т.—4 р. ЛЮБУЮ КНИГУ, как старую, так и новую, высыл. налож. платеж в 4-дн. сро.** Заказы, запросы, деньги адресовать: **Москва**, Центр, Политехн. музей, п. 116/о. **„Культура и Знание“** При высылке денег вперед (можно марками) пересылка бесплатно

ГРИМ
КОМПЛЕКТ № 2.
1. Набор грима в жест. ящике (8 тонов)—2 р. 2. Запасные тона грима (9 тонов)—4р. 05 к. 3. Кисти для грима 3 шт. 24 к.— 4. Растушевок 5 шт. 15 к.— 5. Румяна по „Хорен“ № 18—65 к. 6. Гумоз—25 к. 7. Губная помада—45 к. 8. Пудра—45 к. 9. Пуховка — 50 к. 10. Лак — 55 к. 11. Кисть для лака — 05 к. 12. Трес. 5 метров разных цветов—3 р.
Общая стоимость комплекта с упаковкой 13 р. 44 к. Тот же комплект по получении денег вперед 12 р.
Пересылка за счет заказчика.
Заказы адресовать: Кн. магазин **„СЦЕНА и ЭКРАН“**
МОСКВА 9. Тверская 19.
Тел. 3-65-44.
Телегр.: **Москва-Пьеса.**

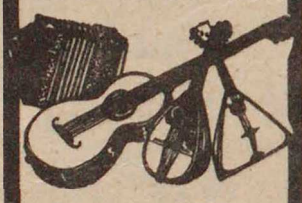
САМОУЧИТЕЛИ
ПОЛЕЗНЫХ РЕМЕСЛ
Как самому шить обувь, с 90 рис. — 70 к. **Выработка хромовых кож, окраска, лакировка, нов. рецепты** — 1 р. 25 к. **Малярные работы**— 45 к. **Дешевый домашний стол для молодых хозяек** — 1 р. **Французская борьба — приемы, тренировка, Лебедева** — 45 к. **Кройка и шитье женск. и детск. одежды** — 1 р. 30 к. **Как самому варить мыло** — 40 к. **Майер.—Математические формулы. Необх. рук. для всех учащ.** — 55 к. **Евдокимов.** — **Практическая фотография**, с 129 рис.—4 р. **Фентеклюз—Ветродвигатели для мельниц, водокач. и электростанц.**, с 124 рис. — 2 р. 80 к. **Как выделывать юфть**, с 26 рис.—50 к. **Колеса, телеги, сани и пр. как самому делать**, с 23 рис.—40 к. **Кирпич и черепицу как изготов. самому**, с 19 рис.—35 к. **Валяльно-войлочное пр.**, с 17 рис.—40 к. **Шубно-овчинное пр.**, с 23 рис. — 40 к. **Выделка и окраска меха** — 50 к. **Закалка. Теория и практика**, с 81 рис. — 1 р. **Жестяничное дело**, с 221 рис., обр. и выкройк. — 70 к. **Кровельное дело**, с 53 табл. патронов, выкроек разл. вещей— 1 р. 25 к. **Инж. Биль—Постройка дешев. крест. дома, со сметой и планом** — 1 р. 20 к. **Тилинский — Хуторские постройки**, с 74 рис. — 1 р. **Как переплести книгу**, с рис.— 55 к. **Кустарн. произв. из рога и кости**, с рис. и рецепт. протрав и окраски их — 75 к. **Починка резинов. галош, велосип. и автомоб. шин и др. пр. из резины** — 55 к. **Багетно-рамочное произв.**, с 13 рис. — 75 к. **Зеркальное произв., кустарн. раб. по наводке зеркал** — 95 к. **Работы из папье-маше, игрушки и др. вещи**—55 к. **Фейерверки как сделать самому**, с 36 рис. — 1 р. 25 коп. **Набивка чучел птиц и животных**, с 30 рис.— 75 к. **Плетение рыболовных сетей и вязание сеток, гамаков и мешков**, с 44 рис.—75 к. **Рыбная ловля всех видов, во все времена года. Ловля рыбы на удочку, подпусками, сетями и др. снаряд.**, с 17 рис. и 8 худож. табл. пород рыб, 112 стр.—1 р. 25 к.
Все издания 1925, 1926 и 1927 гг.
Цены указаны с пересыл. Налож. плат. на 11 к. дороже. Небольшие суммы просим высылать вперед, можно мелк. почт. марк. **Катал. на 1927/28 г. № 2.**
Ремесла, химическая технология, спорт, охота, игры, игрушки текстиль, кожа, живопись и т. п. высылается за 40 коп., можно марками.
КНИЖНЫЙ МАГАЗИН М. П. ПЕТРОВА
(бывш. ст. фирма А. СУХОВА).
ЛЕНИНГРАД, Ново-Александровский рынок № 93.

ЛЮБУЮ КНИГУ
Учебную, научную, практическую старую и новую, всех русских издательств.
Срочно высылают налож. платежом
КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ „МЫСЛЬ“
1) **Ленинград**. Просп. 25 Октября, 19/0
2) **Ленинград**, Пр. Володарск., 51/0.
Пополн. и комплектов. библиотек.

ПРИЕМ ОБ'ЯВЛЕНИЙ
во все провинциальные газеты СССР.
БЮРО ИНОГОРОДНИХ ОБ'ЯВЛЕНИЙ
Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“
МОСКВА 6, Страстной бульв. 11
Тел. 35-75.

ВЫСЫЛАЕМ ПОЧТОЙ
КЛУБНЫЕ ИГРЫ
ШАХМАТЫ — 1.50, 2.50, 3.75, 5 7 и 10 руб. Доски шахматные—2, 2.50 3 и 5 р. **ШАШКИ** — 45 к. и 60 к. Доски картон.— 45 к. шт. **ДОМИНО** — 1.20 1.50, 2.50 и 3.75. **ЛОТО** 2.50 4 и 7 р.
СПОРТ
Лыжи—15, 16, 18 и 20 р. Палки—2.50, (лыжи отпр. багажом) Пьексы—12 р. **Коньки** „Англ. Спорт“ — 12.50, коньки (типа) Норвежск. ботинк. 32 р. Обувь для конькобежц. Зимний трикотаж. Хокей.
ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ
Самовары никелированные, банкой—25, 30, 35 р. шт., рюмкой—30, 35, 40 р. шт. **Примус**— 8.50, **Керосиновая кухня** (типа Герц, с двумя фитилями)— 13.50 штука. **Портфели** кожаные от 12—30 р. **Бритвы заграничные** 12, 15 и 20 р. **Бритвы безопасные**—5, 6.50 и дороже. Бритвенные приборы (никелевые) 5 и 7.50.
ЧАСЫ. ХОДИКИ 5.50, 6.
РАДИО
Стандартные посылки (радиоприемник с монтажн. материалом) 35, 40, 60 и 65 р. Задаток 25%, остальное наложенным платежом.
Иллюстрированный прейс-курант: музыка, спорт, фотография, канц. принадлежности, карманные часы, хозяйственный отдел, радио, краски для материи, кожаные тужурки и пр. высылает. за 2 восьми-копеечные марки. Москва, Гл. Почтамт. ящ. 1031.
ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧНОЕ БЮРО

ВЫПИСЫВАЙТЕ
ПО ПОЧТЕ



МУЗЫКА
Балалайки
5.50, 6, 6.25, 6.75, 7.80, 8.65, 9.60, 13, 15, 18, 20, 25.
Гитары
15, 18, 19, 22, 26, 30, 35. Концертные 40, 50.
Мандолины
15, 19, 25, 30, 35. Концертные 40, 50, 70.
Гармонии
35, 40, 55, 75, 90, 110, 130, 150.
Граммофоны
50, 75, 80, 95.
Пионер. барабаны
15, 16, 19, 25.
Горны
17, 19, 22, 27, 30.
Месткомам, клубам и коллективам скидка 5%. Заказы исполняем немедленно. Задаток 25%, остальное наложенным платежом. Полный иллюстрированный прейс-курант высылается за 2 восьмикопеечные марки.
ПОЧТОВО-ПОСЫЛОЧ. БЮРО
МОСКВА, Гл. Почт., ящ. 1031.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ.
НОТЫ большой выбор, последние новинки.
КАТАЛОГИ БЕСПЛАТНО
Имеются в большом выборе гитары и мандолины, обыгранные, лучших русских и заграничных мастеров.
МОСКВА, Б. Дмитровка 16, муз. магазин **СТАКЛИНСКОГО**

НОВЫЕ КНИГИ
Д-р Левенфельд. Гипноз и его техника с обращением особого внимания на его практич. применение. Предисл. проф. Плетонова, 192 стр. большого форм.—2 р., с перес.—2 р. 40 к.
Кнейп Мое водолечение, пер. с 103 изд. — 1 р. 25 к., в пер. — 1 р. 50 к.
Песоцкий. Полный курс столярного дела. 5-е изд., 407 рис.—3 р. 50 к., с перес.—4 р.
Якобсон. Половая холодность женщины—2 р. 25 к.
Рудь. Хозяйка-кулинарка, 1375 обедов—3 р. 50 к.
Бельше. Любовь в природе. 3 тома—1 р. 50 к., с перес. — 2 р. 15 к.
Некрасов. Соч. 1 т.—3 р. 75 к.
Чехов. Соч. 23 т., пап. пер.—10 р.
Фридланд. За закрытой дверью, записки врача-венеролога — 1 р. 60 к.
Кранфельд. Гипноз и внушение — 1 р., с перес.—1 р. 30 к.
„Кухня на примусе и плите“. 550 рецепт.—1 р. 20 к., с перес.—1 р. 50 к.
Горовиц Н. И. Кондитерское производство, полн. рук.—1 р. 75 к., с пер.—2 р. 15 к.
Бродерсен. Самоучитель фотограф. в современных условиях — 4 ч. 2 р. 50 к., с перес.—3 р.
Винторов. Бухгалтерия. 2 ч. 467 стр. 2 р. 50 к.
ТРЕБОВАНИЯ АДРЕСОВАТЬ:
ЛЕНИНГРАД, пр. Володарского 55/0.
Книжный магазин **„Техника и Медицина“**

НОВАЯ КНИГА!
Л. СЛОВЦОВА
ЗДОРОВЫЙ СТОЛ В ДОМАШНЕМ ХОЗЯЙСТВЕ
Страниц 148. Цена в папке 60 к.
Основы питания: Выбор пищевых продуктов. Хранение продуктов. Основа кулинарии. Кулинарная подготовка продуктов. Рецепты блюд: супы, рыбные блюда, мясные блюда, блюда из овощей, соуса, гарниры, салаты, блюда из яиц и мучных изделий, каши, кисели и кремы, изделия из теста.
Нарезки продуктов и готовых блюд.
Использование кухонных отбросов. Кухня. Порядок еды. Пища больных. Детское питание. Приложения.
Требуйте во всех магаз. ГОСИЗДАТА
Москва, Центр, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“, ОГ.
Высыл. книги нал. платежом.

„ГОТОВЬСЯ в ВУЗ“

ПОСОБИЕ ПО ПОДГОТОВ. в ВЫСШ. УЧЕБН. ЗАВЕД.
В программу издания включены: 1. Математика, 2. Физика, 3. Русск. язык., 4. Обществовед. Все изд. **„Готовься в ВУЗ“** будет состоять из шести книг. **Первый вып.** печатается и в конце ноября выйдет из печати. **Второй вып.** печатается и выйдет в декабре с. г. Условия подписки. **За все изд. в 6 книг.—11 руб.** Допуск. рассрочка: при подписке—3 р. и нал. пл. при получ.: 1-й книги — 3 р., 2-й книги—3 р., 4-й книги—2 р. 3-я, 5-я и 6-я книги высыл. без допл. **Подробный проспект высыл. бесп.** Заказы и денежн. переводы направл. по адресу: Москва, 19 Воздвиженка, 10, Изд-ву „Работник Просвещения“.

НОВЫЕ КНИГИ
Вилькомм, проф. **Трикотажно-вязальное производство. Элементы вязанья.** С атласом чертежей. Ц. 3 р. **Леппергофф. Плетение.** Цена 4 руб. **Вагнер. СПРАВОЧНИК КОЖЕВНИКА.** Ц. 3 р. 25 к. **Паников В. П. Паровозы.** С 211 рис. в тексте. Ц. 3 р. **Боргман. Хромовое дубление.** Ц. 4 р. 50 к. **Гоффман. Холодильные машины.** Ц. 4 р. 50 к. **Саввин. Допуски в машиностроении.** Цена 3 руб. 25 к. **HUTTE-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ Справочная книга для производственников.** В 3-х выпусках. Ц. 18 р. **HUTTE МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИЙ. Справочная книга для металлургов.** Ц. в перепл. 16 р. **Вильсон. Химия кожевенного производства.** Ц. 4 р. 50 к. **Кронлейн. Обработка кожи.** Ц. 1 р. 75 к. **Боргман. Выделка подошвенной кожи.** Ц. 3 р. **Боргман. Кожевенное производство. Выделка мягких сортов красно дубл. кожи.** Ц. 2 р.
Книги высылаются нал. плат. Пересылка по себестоимости.
Деньги и заказы направлять:
МОСКВА, 6,
Моск. Акц. Издательск. О-во
Мал. Дмитровка, № 8/в.
Каталоги и проспекты **БЕСПЛАТНО.**

НОВИНКИ!
Евдокимов. Практическая фотография, в трех частях, 324 стр. 129 рис. 3 р. Его же. Как получить **хороший негатив** — 80 к. **Фентеклюз. Ветродвигатели для мельниц, водокачек, станков и электростанций.** 176 стр. 124 рис. 2 р. 50 к.

2000 практических технико-химических рецептов по всем отраслям производства и хоз. **И. Рудь.** 3 р. 50 к.

Заровняев. Спутник рыболова-любителя—50 к. **Фридланд.** Записки **врача** венер. 1 р. 60 к. **Дренклер. Как предупредить себя от беременности, не прибегая к аборту** 1 р. 20 к. **Дедрина.** Кухня на **плите и примусе.** Свыше 550 мясн. и вегетар. блюд 1 р. 20 к.

••••••

Новый альбом рисунков
..... для .....
ВЫПИЛИВАНИЯ
из дерева. Около 250 деталей на 30 листах. Сост. **художн. Тарханов.** 3 р. (с перес. 3 р. 50 к.)

••••••

ЦЕНЫ БЕЗ ПЕРЕСЫЛКИ.
Стоим. перес. одной книги — 30 к., двух—35, и т. д. **Высылает** нал. платежом. **Книжный магазин**
А. С. СТЕПАНОВА
Ленинград 28, пр. Володарск. 3

ВСЕ КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ, НОВЫЕ, РЕДКИЕ, РАСПРОДАНН., по ВСЕМ вопросам, (сел.-хоз., медицина, техника, беллетристика и др.).

УЧЕБНИКИ для всех учебных заведений.

БИБЛИОТЕЧКИ: *обороны* (военные), *сел.-хозяйственные, и детские* по возрастам: до 5 л., от 5 до 7 и от 7 до 10 лет: ценою в 3, 5, 10, 15 и 20 руб.

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЛУБКИ и КРАСОЧН. ПЛАКАТЫ.

Высылает немедленно наложенным платежом

МОСКВА, Центр, НИКОЛЬСКАЯ, 12,

ИЗДАТ. ЧАСТЬ МОСГУБШЕФСОВЕТА.

3000

УДЕШЕВЛЕННЫХ КНИГ

по прикладным знаниям, точным наукам, социально-экономическим вопросам, теории и истории литературы, медицине, сельскому хозяйству, искусству, домашнему хозяйству и пр.

ПРЕДЛАГАЕТ

НОВЫЙ КАТАЛОГ

Удешевленных книг Государственного Издательства.

Выпуск II. 180 страниц убористого шрифта. Высылает за 2 восьми копеечн. марки.

МОСКВА, центр, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ“.

Если вы хотите основательно изучить счетоводство и получить не только теоретическую, но и практическую подготовку к ведению торговых книг, то

НЕ ИЗУЧАЙТЕ БУХГАЛТЕРИИ

двойной, итальянск., американской раньше, чем не получите достаточной подготовки к пониманию этих наук. Начинайте с прохождения курса **Д. А. Писаревского „ОТ ПРОСТОГО К ДВОЙНОМУ СЧЕТОВОДСТВУ“.** За 2 месяца самостоятельн. занятий вы вполне научитесь ведению бухгалтерских книг по упрощенной системе и получите практический навык и подготовку к двойному счетоводству.

Курс изложен просто и ясно, со многими упражнениями и задачами. Вышло из печати 2-е издание, с прилож. КУРСА

ВЫЧИСЛЕНИЕ на СЧЕТАХ.

Цена всего курса (256 стр.) 2 р. 50 к. Высыл. по получении денег или налож. платежом на **2 р. 80 к.**

Адрес; Ленинград, 28, Кирочная, 2. **Д. А. Писаревскому.**

ЧЕРЧЕНИЮ легко выучиться по допущ. ГУС и реком. МОНО пособиям **А. Д. ДЁМКИНА** Требуйте во всех книжн. маг. и от автора список их. **МОСКВА** (центр), Покровка 50/4.

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

ЦЕНЫ и КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ

Балалайки 5.50, 7.25, 9.30 и 12 р.

Гитары 15.50, 19, 22.50 26.50 и 30 р.

Мандолины 15, 19, 22, 25 р.

ГАРМОНИИ 82, 50, 60, 75, 85 и дороже.

ТРЕБУЙТЕ СМЕТЫ НА СТРУННЫЕ ОРКЕСТРЫ.

Треб. за две 8-к. марки, влож. в конверт, полн. иллюстр. пр.-кур. о бесплатн. прил. „Истории муз. инстр., их прошлое и совр. значен.“, пр.-доц. С. Чемоданова, и стен. табель-календарь.

БЮРО ПОЧТО-ПОСЫЛКА МОСКВА ПОКРОВКА 16/32 ПОЧТ. ЯЩ. 994

ПРОИЗВОДСТВО

АРМОНИЙ: венские 2-х и 3-рядные;

БАЯНЫ.

Имеются также все материалы и принадлежности для гармоний. Цены вне конкуренц. За качество полн. гарантия. Запросы и заказы направлять по адресу: Тула, М. Х. ХРИШКОВУ, ул. Зиновьева 35/1. Прейс-курант высылается за две 8-коп. марки, вложенные в конверт.

ВЫПИСЫВАЙТЕ

ПО ПОЧТЕ

ПОРТРЕТ ХУДОЖЕСТВЕН. УВЕЛИЧЕННЫЙ

в паспарту, с любой фотогр. карточки 18×24—5 р., 24×30—7 р., 30×40—10 р., 40×50—12 р., 50×80—20 р. Заказы высыл. налож. платежом без задатка не позже 2 недель по получ. карточки на адрес:

МОСКВА, Гл. почтамт ПОЧТ. ЯЩ. 574.

Карточка возвр. в целости.

ПРОИЗВОДСТВО **МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ГОЛОВИНА**

ВЕНСКИЕ 2-х и 3-х рядные и хроматич. гармонии **БАЯНЫ** и ПОЛУБАЯНЫ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ. Требуйте прейс-кур. за две 8-коп. марки, влож. в конверт.

Москва, Арбат, д 55/0.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1928 г. (3-й год издания)

на ежемесячный домашне-хозяйственный и модный богато иллюстрированный

„ЖЕНСКИЙ ЖУРНАЛ“

Программа журнала попрежнему рассчитана на обслуживание всех домашне-хозяйствен. и культурных нужд современн. женщины—домашней хозяйки, матери, кустарки.

В 1923 году программа журнала значительно расширяется и дополняется.

Увеличиваются отделы: „Модный“ и „Дом и хозяйство“.

К каждому номеру журнала прилагаются: 1) Выкройки, 2) Контурные листы и 3) „Детский Уголок“.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: на год—10 р., на полгода—5 р. 50 к., на 3 мес.—3 р. Допускается рассрочка годовой платы: при подписке—4 р., к 1 апреля и к 1 июня—по 3 р.

Годовые и полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сразу полностью, получат

БЕСПЛАТНЫЕ ПРЕМИИ:

ГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 1) Большую научно-популярную книгу в 300 страниц, необходимую каждой женщине: **„ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИНЫ“.** (В отдельной продаже книга будет стоить 2 р. 50 к.).

2) 10 новых книжек БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“ (новейшие художественные произведения русских и иностранных авторов).

ПОЛУГОДОВЫЕ ПОДПИСЧИКИ: 10 новых книжек „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК“.

Дальнейшие льготы, предоставляем. подписчикам „ЖЕНСКОГО ЖУРНАЛА“:

1. «АЛЬБОМ РУКОДЕЛИЙ», составленный по новейшим образцам и рисункам вышивок, вязанья, плетения и пр., стоящий в отдельной продаже 2 р. 50 к., подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

2. «КУЛИНАРНУЮ КНИГУ», составленную по новейшим рецептам, подписчики могут получить за доплату в 1 рубль.

3. Подписчики «Женского Журнала» могут подписаться одновременно и на журнал «Огонек» на 1928 год с приложением ПОЛНОГО СОБРАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ СОЧИНЕНИЙ ЛЬВА ТОЛСТОГО в 24-х книгах по льготной цене: вместо 13 р. 50 к.—за 12 р. 50 к. Таким образом, за годовую подписку на «Женский Журнал», «Огонек» и Полное Собрание Сочинений Л. Н. Толстого подписчики уплачивают всего 22 р. 50 к. (Допускается рассрочка: при подписке—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая—4 р. 50 к., к 1 июля и 1 сентября—по 4 р.).

Переводы адресовать:

МОСКВА 6, Страстной бульвар 11, Акционерн. Издат. О-ву „ОГОНЕК“.

Подписка принимается также во всех почтово-телеграфных предприятиях, у местных контрагентов, в отделениях центральных издательств и во всех киосках Контрагентства Печати.

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ

1-го Моск. Т-ва произв-ва и торговли Н. Авилов, В. Головин, А. Соколов.

ГАРМОНИИ 2-рядн. Полувенки—23, 28 р. Венские—30, 38, 42, 48, 55, 65, 75, 85, 95, 105 и 125 р. Указывайте русский или немецкий строй. Однорядные от 10 р. до 75 р. **БАЯНЫ** в 200, 220, 250, 300 и 350 р. **ГИТАРЫ** в 18, 16, 18, 20, 25, 30, 40, 50 и 60 р. **БАЛАЛАЙКИ** в 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 15, 20 и 25 р. **МАНДОЛИНЫ** в 12, 15 18, 21, 24, 27, 3', 35, 40, 45 и 50 р. Заказы выполняются по получении 1/3 стоимости с наложенным платежом на оставшуюся сумму. Иллюстриров. прейс курант высыл. за две 8-коп. марки.

МОСКВА, центр, Покровка, 55/0, тел. 30-82 Отд. Пятницкая 5.

ПРОИЗВОДСТВО НАРОДНЫХ **МУЗЫКАЛЬНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ ВИНОГРАДОВА**

Москва, Центр, Бол. Сухаревск. пл. д. 9/4.

ВЕНСКИЕ 2 и 3 ряди. гармонии **БАЯНЫ** и ПОЛУБАЯНЫ. ЦЕНЫ — ДЕШЕВЛЕ ВСЕХ —

Прейс-курант высылается за две 8 к. марки. Письма и заказы направлять: Москва, почтамт, ящ. № 739.

ФОТО-ПОРТРЕТ

увеличение с любой карточки в паспарту и **БАГЕТНОЙ РАМЕ** 10×12 вершк.—5 руб., 12×14—8 руб.

НА БРОШКАХ И БУЛАВКАХ **ФОТО-ЭМАЛЬ**

Квадр., овальн. и кругл формы от 1-5см. Больш. 3 р., средн. 2 р., мал. 1 р. 50 к. Карточки высылайте без задатка (возвращу в целости). Москва 21, Дашков пер., д. № пять В. Шиманскому.

ПРИ 3-х ЗАКАЗАХ—4-й БЕСПЛАТНО.

Спец. лечен. **ВОЛОС** (выпадение, перхоть и пр.), **УГРЕЙ,** пятен и др. косметич. недостатков кожи. Эл.-светолеч. Горн. Солнц. **Д-р М. КАТЦЕН.** Тверская, д. 6, кв. 3.

ИЗБАВИТЬСЯ!!

НАВСЕГДА от мозолей, бородавок и пота	МОМЕНТАЛЬНО от крыс, мышей, клопов, тараканов, и др. паразитов

может каждый только „Продуктами Л. ГЛИКА“

№ 2. „Эксоль“ уничтожает мозоли и бородавки с корнем и безвозвратно . . . Р. 2. — к.
„ 4 „Javol“—радик. средство от пота Р. 1. 90 к.
„ 1 „Клопин“—уничтожает клопов в 15 мин. . . . . Р. 1. 75 к.
„Клопин“—тройной размер . . . . . Р. 3. 50 к.
№ 6 „Тараканон“—истребляет тараканов в сутки . . . . Р. 2. — к.
„Тараканон“ двойной размер. . . . . Р. 3. — к.
„ 5 „Крысомор“—радикально истребляет крыс и мышей Р. 2. 50 к.
„ 7 „Антипаразит“—идеальн. средство от вшей и блох Р. 1. 50 к.

Цены указаны с упаковкой и пересылкой. Качество продукт. гарантировано. Заказы высылаются немедленно по получении их стоимости.

Адрес: Москва, Мясницкая, Кривоколенный пер., 1. И. ТОЛЬЦ.

ЛУЧШИЙ

ПОДАРОК МАЛЫШАМ

Библиотечка из 15 книжек для детского чтения (сказки, стишки, загадки, шутки) с многокрасочными картинками.

1) Стишки для малюток. 2) Ко-т Мурлыка. 3) Зайка-Убегайка. 4) Нов. приключ. бабушки-Забавушки и собачки Бум. 5) Веселый счет. Первый десяток для малых ребяток. 6) Наш цирк. 7) Книжка-подружка. 8) Еж-богатырь. 9) Пряник медовый и таракан бедовый. 10) Ученые зверюшки. 11) Золушка. 12) Детвора за работой. 13) Портной и месяц. 14) Басни Крылова. 15) Золотое детство.

Все 15 книжек в изящном футляре с коленкор. корешк., тисненным золот., высылаются по получ. **2 р. 50 к.**

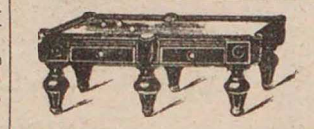
Заказы и деньги направлять:
ОДЕСА, Ул. Лассаля, 26.
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВУ
„СВЕТОЧ“.

НОВАЯ КНИГА

ДОМАШНИЙ РЕМЕСЛЕННИК

самоучит. всех ремесл в одной книге плотн., столяр., токарн., бочарн., перепл., кузнечн., слесарн., паяние, дужени", никелиров., овчин., мылов., веревочные, крахмал., зеркал., обувн., гончарн., печн.. малярн., штукатурн., изготовл. радиоприемников. 148 рис. Цена с пересылкой **3 р. 50 к.** Можно посылать мелкими почтов. марками.

Книжный склад
„КНИГОВЕД“
Москва, 19.
ул. Герцена 22/0.



Биллиардный мастер А. К. ФАЛИН
Ленинград, Чернышев п., 20. Т. 169-30

„СОВЕТСКОЕ ФОТО“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ФОТО-ЛЮБИТЕЛЬСТВА и ФОТО-РЕПОРТАЖА

ВЫШЕЛ И ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДЕ (ДЕКАБРЬ). **№ 12**

СОДЕРЖАНИЕ:

Два года.
К вопросу о фото-бумажном голоде.
О фото-культуре.
Фотография невидимого.
Как использовать негодные негативы.
Самодельный увеличитель для керосинового и дневного освещения.
Работа скребцом при ретуши негатива
Факты из обла ти фото-торговли.
Хлоро-бромо-серебряные бумаги и современные способы их обработки.
Фото-общественность.
Смотр фотографии в стенгазете.
Критические заметки.
По иностранным журналам.
Алфавитный указатель статей, помещенных в „Советском Фото“ в 1927 году.
В номере свыше 30 иллюстраций.

Цена 40 коп.

Требуйте во всех газетн. киосках.

ШРИФТЫ

АЛЬБОМ Д. А. ПИСАРЕВСКОГО, ПОД РЕДАКЦИЕЙ АКАД.-АРХИТ. И. А. ФОМИНА, ПРИ УЧАСТИИ 32-х ЛЕНИНГР. ХУДОЖН.-ГРАФИКОВ.

Альбом содержит 95 таблиц шрифтов, из них 56 заняты алфавитами от А до Я (многие в красках) подробные описания построения каждого из шрифтов, методы их применения в разных областях. Типографских шрифтов в альбоме не имеется. Каждый из шрифтов—оригинальное произведение одного из художников (Чехонина, Белуха, Левитского, Кирнарского, Хижинского, Конашевича, Литвиненко, Лялина и т. д. Альбом предназначен для инженеров, чертежников, топографов, архитекторов, живописцев, плакатистов, каллиграфов и т. п. Каждый найдет в нем высок.-художеств. образцы для своих работ. Альбом выпущен двумя изданиями: 1) на александр. бумаге, в худож. переплете—цена 7 р. 50 к., 2) на хорош. белой бумаге, в худож. обложке—цена 4 р. 50 к. Присылающие деньги вперед за перес. не платят. Высылается также наложенн. платежом с добавл. пересылки.

Адресовать автору: Ленинград, Кирочная ул., № 2—10.

Д. А. ПИСАРЕВСКОМУ.

ГИПНОЗ и ЕГО ТЕХНИКА

д-р Л. Левенфельд

Очерк учения о гипнозе и внушении, с обращением особого внимания на его практическое применение. 193 стр. ц. 2 руб. **СОН и ГИПНОТИЗМ Б. Бирман** с рисун. и словарем, ц. 50 к. **ЖИЗНЬ ОРГАНИЗМА и ВНУШЕНИЕ.** Д-р Залинд, ц. р. 65 к. **БОРЬБА СО СТАРОСТЬЮ.** 2-ое перер. изд. проф. Шмидт, ц. 75 к. **КАК БОРОТЬСЯ С НАШИМИ НЕРВАМИ.** Дж. Дженсона. Перев. с английского ц. 2 р. **ГИПНОЗ и ВНУШЕНИЕ.** Д-р Кранфельд, ц. 70 к. и другие книги **ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ** высылает наложен. платеж. **БЕЗ ЗАДАТКА.**

При заказах свыше 5 р. перес. **БЕСПЛАТНО**

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН
„ТРУД“
Москва центр, Моховая 5/0.

МИЛЛИОНЫ

ЛЮДЕЙ ПОКУПАЮТ

АРОМАТИЧЕСКИЕ ЛЕПЕШКИ „РИЧАРД ВЕРДО“

для моментального приготовления разных наливок, настоек, коньяка и ликеров прекрасного качества, вкуса и аромата.

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ!

Цена 30 (тридцать) коп. коробка

Главный склад П. ЗАКЛИН.
Ленинград, Колокольная 13.

По первому требованию высылаем ассортимент в количестве не менее 10 коробок наложенным платежом.

ПЕРЕПРОДАВЦАМ СКИДКА.

Ликеры ром коньяк

настойки и наливки.

Каждый приготовит сам из русской водки растворив в ней ароматичные таблетки „Воп доит“.

Высылается набор на 12 бут. по получении перевода 3 р. 60 к. или налож. платеж.

Тех. хим. лабор. И. П. Даугабет
МОСКВА СОЛЯНКА д. 1.

ОПТОМ СКИДКА

„БЫСТРОСЧЕТ“

искусство производить в уме вычисления с быстротою мысли. Составил французский проф. **Л. Ришар.** Цена с перес. 1 р. 50 к. Адрес: **Москва,** ул. Герцена, 22/3. Книжн. Дело **„Просвещение“**

ПИСАТЬ и ГОВОРИТЬ

ПРАВИЛЬНО ПО-РУССКИ

будете, если приобретете **„Новый орфографический словарь“** содержащий 100.000 слов, сомнительных в правописании. Высыл. за 3 р. 25 к. Адрес: **Москва,** ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело **„ПРОСВЕЩЕНИЕ“.**

Единствен. по своей легкости общий циферн. самоучит.

ДЛЯ ГИТАРЫ

МАНДОЛИНЫ и БАЛАЛАЙКИ

с новыми песнями, романсами и проч. высыл. за 2 р. 85 к.

ДЛЯ ГАРМОНИИ

(двухр.) такой же самоуч., с 30 музык. №№. выс. за 2 р. 85 к.

Москва, ул. Герцена, 22/3. Книжное Дело **„ПРОСВЕЩЕНИЕ“.**

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗ.

не следует изучать по устарелым методам. Лучшим признан новый метод **Мертнера,** не требующий заучивания слов и правил. **Немецкий самоучитель,** в 10 выпусках, в обработке **Б. Шмелева,** доп. Гос. Уч. Советом, высыл. за 2 р. 85 к. Такой же **Английский самоучитель** в 60 лекциях высыл. за 3 р. 15 к. **МОСКВА, ул. Герцена, 22/3.** Книжн. Дело **„Просвещение“.**

НОВЫЕ КНИГИ

ПО РЕМЕСЛАМ И ПРОИЗВОДСТВАМ:

Адам Ф. инж. МОНТЕР ПО ОТОПЛЕНИЮ. Справочная книжка для установки и контроля отопительных устройств. Ц. 1 р. **Иррсбергер, К. Литейное дело.** Ц. 70 к. **Григорьев, Н. архит. Малярное дело.** Ц. 1 р. **ГОФМАН.** Токарь по дереву и металлу. 1 р. 50 к. **Образцов.** Как варить мыло. 70 к. **Песоцкий. Столярное ремесло.** 3 руб. 50 коп. **Его же.** Обработка дерева. 3 р. 50 к. **Порецкий.** Кузница и работа в ней. 50 к. **Самойлов.** Мукомольное производство. 1 р. **Его же.** Маслобойное производство. 60 к. **Быковский.** Колбасное дело. 40 к. **Лялин.** Винокуренное производство. 1 р. 50 к. **Его же.** Жиры и масла. 1 р. 50 к. **Полевицкий.** Домашнее приготовление плодовых и ягодных вин. 1 р. 50 к. **КАЧМАРЕК.** Штамповальн. производство. 2 р. 50 к. **ПОКРАНД.** Горячая штамповка и изготовление штампов. 3 р. 50 к.

Заказы адресовать:

Московскому Акционерному Издательскому Обществу.

Москва 6, Малая Дмитровка, 8/в.

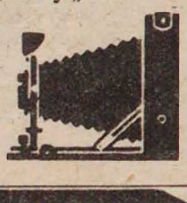
Заказы исполняются наложенным платежом без задатка, с добавлением стоимости пересылки.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1928 год

(В 1928 году журнал будет выходить в увеличенном об'еме).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на год—4 р. 75 к., с приложением „Фотографического Альманаха“ — 5 р. 75 к.; на полгода без приложения — 2 р. 50 к., с приложением—3 р. 50 к.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:
МОСКВА 6, Страстной бульв. 11.
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК“.



Вы можете изучить у себя дома в любое время не отрываясь от Вашей повседневной работы следующие предметы:

1917 **„ПОЛИГЛОТ“** 1927

ЗАОЧНЫЕ **Промышл.-эконом. и художеств.-технические курсы „ПОЛИГЛОТ“**

По окончании курса учащиеся подвергаются испытанию в опец. квалификац. комиссии и получают **СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО.**

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО ПРОСПЕКТ и УСЛОВИЯ

Адрес: РОСТОВ н/ДОНУ

Плата помесячно от 1 до 3 рублей.

ПОЧЕРК

МОЖЕТ ИСПРАВИТЬ КАЖДЫЙ по руководству **Д. А. Писаревского „Исправление почерка,** в котором дано 60 упражнений со всеми образцами и правилами красивого письма.

Цена книжки (64 стр.) **1 руб. По НАВОДНЫМ ТЕТРАДЯМ,** в которых все прописи напечатаны слабой голубой краской, поверх которой ученик пишет чернилами. Весь курс в 3-х тетрадях стоит **1 р. 50 к.**

Книжка **„Почерк“,** вместе с 8-мя тетрадями высыл. по получ. **2 р. 50 к.,** нал. плат. **2 р. 80 к.** Научиться каллигр. письму можно по руководству **КАЛЛИГРАФИЯ,** содержит 113 упражнений и все образцы. Цена книжки (64 стр.) **1 р. 20 к.**

Обе книжки, с 3-мя тетрадями, высыл. по получ. **3 р. 50 к.** или наложен. платежом на 4 р.

Адресовать автору **Д. А. Писаревскому.**

ЛЕНИНГРАД 28, Кирочная 2.

СТЕНОГРАФИЯ для ВСЕХ

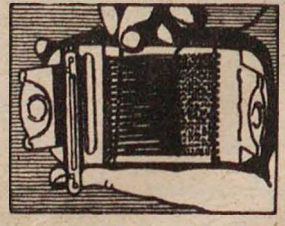
Руков. для самообучения **Н. Н. Соколова,** 2-е изд. Ц. 2 р. 40 к., нал. плат. 2 р. 75 к. Руков. исправл. почерка **К. Я. Калмыкова.** 240 упражн. с прил. транспарантов. Ц. 1 р. 50 к., нал. плат. 1 р. 80 к. **МОСКВА, Н. Басманная, д. 6, кв. 1. ПАРШИН, И. А.**

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую,

высылает налож. платеж. в 3-дневн. срок. Отдел почтовых Отправлений книжного магазина **ВЦСПС.**

МОСКВА, Кузнецкий Мост 14.



НЕОБХОДИМ в каждой семье ШТОПАЛЬНЫЙ ПРИБОР

ШТОПАЕТ

всякие ткани: **чулки, носки, скатерти,** вязаные и полотн. изделия **ШТОПАЕТ** всевозможной **пряжей: чулочной, шерстью, пухом и шелком, ШТОПКА** получается **машинная, быстрая, гладкая,** и ровная. Цена прибора с руков. 2 р. 75 к. При заказе 50% задатка, можно марками. **МОСКВА,** центр, Сухаревка, Ананьевский пер. д. 16/18/0. Мех. произв. **П. ЗАГОРЕЛИНА.**

ПУДРА „АНГО“

ТОНКА НЕЖНА и ХОРОШО ПРИСТАЕТ
НЕ УСТУПАЕТ
ЛУЧШИМ ЗАГРАНИЧНЫМ МАРКАМ

КРЕМ „АНГО“

ПРОТИВ ЗАГАРА и ВЕСНУШЕК
ПРИДАЕТ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНУЮ БЕЛИЗНУ КОЖЕ

ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ

МОСКВА 4, „МОСКВЕЖИР“ ИНТЕРНАЦ. 2

Главлит № А1022. Офсет-печать типо-лит. Акц. Издат. О-ва „ОГОНЕК“. Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 325.000.

ДОМАШНИЕ и КАРМАННЫЕ АПТЕЧКИ

и другие наборы высылаются непосредственно с ЗАВОДА.

Серия „А" Цена 1 р. 50 к. Карманная и дорожная аптечка в изящном футляре—21 предмет.
„ „Е" „ 2 р. — к. Домашняя аптечка—21 предмет.
„ „Б" „ 3 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—24 предм.
„ „В" „ 5 р. — Домашняя аптечка в спец. ящике для хранения лекарств—31 предм.
„ „Ж" „ — 50 к. Спортивно-карманная аптечка—8 пр. (высылается не менее 8 шт.)
„ „Д" „ 3 р. 50 к. Парфюмерно-косм. посыл.—11 пр.
„ „8" „ 4 р. — Парфюмерно-косм. посыл.—13 пр.

В каждой аптечке имеется наставление к пользованию.

Напишите нам открытку, укажите в ней ясно Ваш точный адрес, и мы вышлем Вам любую посылку наложенным платежом. Если вы переведете деньги вперед—заказ пишите на отрезном купоне перевода.

При переводе полной стоимости вперед (почт. перев.) **пересылка бесплатно**. При наложен. платеже пересылка за счет заказчика.

Прейс-курант высылается БЕСПЛАТНО.

Адрес: МОСКВА, Центр, ГОСМЕДТОРГПРОМ, Отд. посылок № 7.

Цена тубика 25 коп.

...ГРЫ и МУЗЫКА

...ерд, **И. Я.** Игры для детей всех ...растов. С мног. рисунками, изд. ... ц. 1 р. 90 к. **„Незаменимая ... помогающая занять часы досуга детей".**

...опросы музыки в школе. Сборн. ...ей под редакц. Иг. Глебова, ... р. 80 к. „Необход. пожелать, ...ы этот, самый ценный сейчас ...ССР музык. педагог. труд по... в руки кажд. музык. педагога" ... Бюлл. ЛГОНО № 9). „Сборник ...ущно необходим. Следует по...ать, чтобы он получил широкое ...ространн. („Печ. и Рев." № 8).

...лавш. деньги вперед за перес. ...лат. Школам и коллект. скидка.

Заказы и деньги адресовать:
...нград, внутри Гостин. дв. 123,0
Изд-ву **Бронгауз-Ефрон.**

НОВЕЙШИЕ САМОУЧИТЕЛИ ГАРМОНИИ БАЯНА

ДЛЯ ВЕНСК. ГАРМОНИЙ — мал. трудности 1 р. 85 к., б. трудности 3 р. Для БАЯНА—малой трудности 3 р. 85 к., б. трудности 10 р. Пьесы и альбомы на разную цену.

Заказы адресовать:
Автору **М. Н. ГЕРАСИМОВУ.**

МОСКВА 10 ДОМНИКОВСКАЯ 6

ПРОСПЕКТЫ ВЫСЫЛАЮТСЯ ЗА ОДНУ 8 КОП. МАРКУ

ПРОИЗВОДСТВО и ПОЧИНКА ГАРМОНИЙ и БАЯНОВ

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

ДЛЯ ШКОЛЬНЫХ РАБОТНИКОВ и РОДИТЕЛЕЙ

Сименов, И. С. Половой вопрос в школе и жизни, ц. 1 р. 40 к. „Можно сказать, что это—одна из немногих хороших книг, изданных по пол. вопросу". (**Н. Семашко.**—„Печать и революция" № 3). **Сименов, И. С.** Школа и половой вопрос, ц. 1 р. 10 к. „Из книги можно получить очень многое, по ней можно научиться разбираться в трудных вопросах пол. воспитания". („Наш Труд" № 1).

Обе книги высылаются за **2 р. 25 к.** Выславшие деньги вперед за перес. не платят.

Заказы и деньги направлять:
Ленинград, внутри Гостин. дв. 123/0
Изд-ву **Бронгауз-Ефрон.**

ЛЮБУЮ КНИГУ

новую, редкую, распроданную по технике, медицине, сельскохозяйственным и др. вопросам.

УЧЕБНИКИ ДЛЯ ВСЕХ УЧЕБН. ЗАВЕДЕНИЙ.

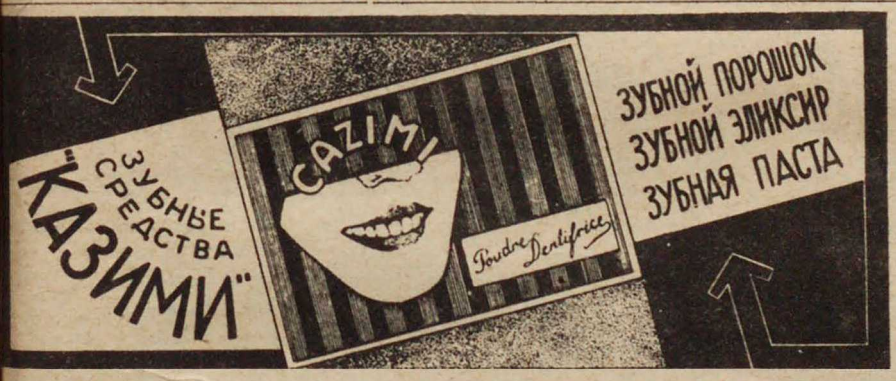
Высыл. немедл. наложен. платеж. каталог по техн., математ., химии, счетоводству и др. **БЕСПЛАТНО.**

КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ А. Г. Алексеева.
Москва, Центральный рын. № 767/0.

Радио-Производ. Пром. Кооп. Т-во „АУДИОН"

предлагает всевозможн. **приемники своей сборки.** Ремонт, намагничивание репродукторов и трубок. **Установки громкоговорителей** в Москве и провинции. **Проверка** и ремонт по вызову. Прием заказов по всевозможным схемам. **Большой выбор деталей и Шапошниковских катушек.** Цены вне конкуренции. Оптовым покупателям особые условия.

МОСКВА, Центр, Мясницкая ул. 10. Телеф. 2-63-60.



ВЫШЛА В СВЕТ ВТОРЫМ ИЗДАНИЕМ И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

КУЛИНАРНАЯ КНИГА „НАША КУХНЯ".

Составлена применительно к современным условиям по новейшим данным в области питания.

Свыше 500 рецептов кушаний, напитков, заготовок и прочего. Цена 1 руб. 50 коп.

Высылается также наложенным платежом.

Требования адресовать: МОСКВА 6, Страстн. бульв., 11
Акц. Изд. О-ву „ОГОНЕК".

Л И Н И Я О Т Р Е З А

Условия подписки

...о 1-му абонементу на „ОГОНЕК" с приложением Полного Собрания художественных сочинений

Льва ТОЛСТОГО

...и заявке через почтовое предприятие вносится **один руб.** ...стальная сумма (12 р. 50 к.) переводится в Главную Кон...ру Изд-ва **„Огонек"** в Москву к 1 января 1928 г., или же **рассрочку:** не позднее декабря—3 р., к 1 марта—3 р. 50 к., к 1 мая—3 р., к 1 июля—3 р.

...одписчики, высылающие остальную сумму (12 р. 50 к.) ...азу, получат **БЕСПЛАТНО** большой худож. портрет

Л. Н. ТОЛСТОГО.

АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ О-ВО „ОГОНЕК".
Москва 6, Страстной бульвар 11.

К СВЕДЕНИЮ ПОЧТОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

ПРИЕМ ПОДПИСКИ на журнал „ОГОНЕК"

с приложением Полного Собрания художественных сочинений

Л. Н. Толстого

по настоящей карточке БЕСПРЕПЯТСТВЕННО производится всеми почтовыми предприятиями.

Карточку вместе с заказом надлежит направлять в Моспочтамт, обозначая в заказе (в графе „ПРИМЕЧАНИЕ"), сколько карточек препровождается.

27/X—27 г. № 23/5.

Н. П. З.

М. Ходеев

(М. ХОДЕЕВ).

33005

К СТОЛЕТИЮ со ДНЯ РОЖДЕНИЯ

полное собрание

художественных произведений

ЛЬВА ТОЛСТОГО

ДАЕТ СВОИМ ПОДПИСЧИКАМ в 1928 году

САМЫЙ РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ **ОГОНЕК** ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

В течение 1928 года к журналу „ОГОНЕК" будет приложено Полное Собрание Художественных Произведений Л. Н. ТОЛСТОГО.

В Собрании будут помещены **все художественные произведения Льва Толстого,** в том числе „Война и Мир", „Анна Каренина", „Воскресенье" и все остальные, а также **произведения,** которые **из-за царских цензурных условий до сих пор не включались ни в одно собрание сочинений Толстого.**

Собрание будет состоять из 24 книг большого формата, напечатанных убористым четким шрифтом, по 12 печатных листов (около 200 страниц) каждая. Всего в 24 книгах будет 288 печатных листов (всего 4.600 страниц). Ежемесячно подписчики будут получать по две книги.

Условия подписки на „ОГОНЕК" с приложениями:

1-й абонемент: „ОГОНЕК" с приложением Сочинений Л. Н. ТОЛСТОГО—13 р. 50 к.:

52 №№-ра журнала „Огонек" с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений **Льва Толстого** в 24-х книгах. Подписная цена на год — 13 р. 50 к. Допускается рассрочка в четыре срока: не позднее декабря — 4 р., к 1 марта — 3 р. 50 к., к 1 мая—3 р. и к 1 июля—3 р.

2-й абонемент: „ОГОНЕК" с приложением „БИБЛИОТЕКИ ОГОНЕК"—13 р. 50 к.

„Библиотека Огонек" выходит еженедельно по две книжки и дает новейшие призведения совет ских и западно-европейск. писателей 52 №№-ра „Огонька" с приложением 104 книжек „Библиотеки Огонек": Подписная цена на 1 год — 13 р. 50 к., на полгода — 7 р., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 1 мес.—1 р. 40 к.

3-й абонемент: „ОГОНЕК" с приложением Сочинений Л. Н. Толстого и „Библиотеки Огонек"—22 р.

52 №№-ра „Огонька" с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений **Льва Толстого** в 24-х книгах, и 104 книжек „Библиотеки Огонек". Подписная цена на год—22 руб.

Допускается **рассрочка** в пять сроков: не позднее декабря—5 р., к 1 марта—5 р., к 1 мая, к 1 июля и к 1 сентября—по 4 р.

„ОГОНЕК" без приложений:

52 №№-ра журнала в год. Подписная цена на год — 4 р. 50 к., на 1/2 года—2 р. 40 к., на 3 мес.—1 р. 20 к., на 1 мес.—40 к.

Подписчики на „Огонек" с приложением Сочинений Л. Н. Толстого, внесшие сразу подписную плату полностью, получат БЕСПЛАТНО большой художественный портрет Л. Н. Толстого.

Пересылка всех изданий за счет издательства.

При подписке указывайте точно, на какое издание и с каким приложением сдается подписка.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСОВАТЬ:

Москва 6, Страстной бульвар 11, Акционерному Издательскому Обществу „Огонек".

Подписка также принимается:

Московской Конторой Из-ства „ОГОНЕК", Тверская 37, тел. 1-28-19. Ленинградским Отделением Изд. „Огонек", Проспект 25 Октября д. 1, а также во всех почтовых учрежд. в отд. „Правды" и „Известий" и в ж. д. киосках Контраг. Печати.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНАЯ ЗАЯВКА.

В виду твердого тиража Собрания Сочинений Л. Н. Толстого, выпускаемого Госиздатом **специально для „Огонька" и в отдельную продажу не поступающего,** принимается **предварительная заявка,** гарантирующая получение Собрания Сочинений Л. Н. Толстого. При заявке вносится лишь **один рубль,** зачисляемый в счет подписной платы, каковая имеет быть внесена в указанные выше сроки. Задаточный рубль удерживается подписчиком из первого взноса.

Заявка вместе с 1 руб. принимается во всех почтовых предприятиях и БЕСПЛАТНО пересылается в „Огонек". Для этого нужно отрезать помещенный ниже бланк и вместе с ним обратиться в любое почтовое предприятие, в окно для приема подписки.

Л И Н И Я О Т Р Е З А

В Акционерное Издательское Общество „ОГОНЕК", Москва.

	Получ. сумма.	Колич. экземпл..
Предварительная заявка на журнал „ОГОНЕК" с приложением Полного Собрания Сочинений Л. Н. Толстого — на 12 месяц.	Р.	

Куда адресовать издания
(Наим. почты и подр. адрес)

.....

.....

.....

Кому .....

.....

.....

Заказ № .....

Штемпель почтового учреждения.

КВИТАНЦИЯ
(Выдается подписчику)

Принята от .....

.....

предварительная заявка в один рубль на журнал „Огонек" с приложением Полного Собрания Художественных Сочинений Л. Н. Толстого на ..... экз.

Подпись .....

Штемпель почтового учреждения.

(Условия подписки на обороте).